

eISSN 2311-2468
Том 9, № 9. 2021
Vol. 9, no. 9. 2021

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ШУМИЛИНА К. А.
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОМИКСОВ
НА ГРАФИЧЕСКОМ И ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам и трудностям, возникающим при переводе современных немецкоязычных комиксов на русский язык. Описываются особенности креолизированных текстов на немецком языке на графическом и фонетическом уровнях, а также возможные способы их адекватной передачи на русский язык. Особое внимание уделяется важности сохранения исходного объема текста при переводе.

Ключевые слова: комикс, креолизированный текст, перевод, лингвокультура, оноματοпея, культурно-маркированная лексика.

SHUMILINA K. A.
SPECIFICS OF COMICS TRANSLATION
ON GRAPHICAL AND PHONETIC LEVELS

Abstract. The article deals with the problems and difficulties arising in translation of contemporary German comics into Russian. The features of German creolized texts on graphical and phonetic levels and methods of their adequate translation into Russian are described. Special attention is given to the importance of the adjusting of the translation length to the lengths of the source text.

Keywords: comic, creolized text, translation, linguoculture, onomatopoeia, culturally marked lexical units.

Комиксы долгое время были популярным средством развлечения для молодежи. Вместе с тем сегодня они стали неотъемлемой частью межкультурной коммуникации, поскольку молодые люди проводят большую часть времени в интернете, где общение практически всегда включает обмен невербальной информацией, в том числе интернет-мемами. В настоящее время комиксы широко распространены во многих лингвокультурах, вследствие чего возникает потребность в их переводе.

Перед тем как перейти непосредственно к проблемам перевода текстов данного жанра, необходимо отметить, что понятие «комикс» сравнительно недавно вошло в русскоязычную языковую среду и все еще нуждается в точном определении. В рамках исследований в данной области выявлено два основных подхода к рассмотрению понятия «комикс». Ряд исследователи рассматривает его как тип креолизированных текстов [2; 12], то есть при таком подходе объектом исследования являются отношения, в которые в комиксе вступают текст и изображение. Для других же исследователей ключевым фактором являются

отношения между структурными единицами комикса – панелями, то есть отдельными рисунками с текстом или без него, заключенными в рамку четкой формы или с размытыми границами [5; 11]. Несомненно, изобразительная составляющая и визуальный ряд играют немаловажную роль в передаче общего смысла комикса, но, рассматривая его как объект перевода, представляется логичным придерживаться первого подхода к определению данного понятия, так как основной интерес для переводчика представляет именно текст и то, какими языковыми средствами возможно передать его на другой язык таким образом, чтобы он был не только понятен для читателя другой культуры, но и наиболее гармонично вписывался в отведенное ему место на изображении.

В настоящей статье мы остановимся на особенностях перевода комиксов на двух уровнях языка – графическом и фонетическом. Графической составляющей текста является шрифт, который помогает оформить вербальную часть текста. При переводе креолизованных текстов следует учитывать размер, плотность и объем текста, чтобы он уместился в выноске. «Говоря о шрифте, можно заявлять, что его функции схожи с универсальными: он точно также рассматривается с точки зрения аттрактивности, информативности, экспрессивности и эстетики. Все элементы графического оформления текста призваны привлекать внимание реципиента» [3, с. 50]. Поэтому при оформлении комикса рекомендуется выбирать шрифт, который подходил бы по стилю к изображению или шрифту исходного текста, хотя, как правило, этим занимается не переводчик, а редактор.

Отметим, однако, что нельзя полностью исключать работу переводчика при оформлении текста на данном языковом уровне. В частности, переводчик должен принимать решение о выделении определенных слов или выражений жирным шрифтом, что типично для комиксов во многих лингвокультурах. Причинами графического выделения слов могут быть постановка на них логического ударения (в том числе для создания комического эффекта, как в примере на рисунке 1), выделение основного смысла высказывания, подчеркивание статуса персонажа, его важности, придание высказыванию большей эмоциональности. К наиболее часто выделяемым лексическим единицам относятся имена собственные и реалии, эквивалент которых не всегда можно подобрать в другом языке. Подобная культурно-маркированная лексика традиционно передается с помощью транскрипции, транслитерации или поиска функционального эквивалента в зависимости от применяемой стратегии перевода – доместикации или форенизации [7, с. 252–254]. Определение значимости лексического элемента и его функции в пространстве креолизованного текста может определить только переводчик, поскольку он знаком с текстом оригинала.

Рис. 1. Großvater / Дедушка [13; 14].

Еще одной особенностью перевода креолизированных текстов на графическом уровне является сохранение объема фразы, а точнее учет размера выносок, в которые помещается текст. В отличие от письменных текстов других жанров, не находящихся в непосредственной зависимости от иллюстрирующего их материала, существенное изменение длины фраз в комиксах недопустимо. Кроме того, в юмористических текстах зачастую невозможно применить прием компрессии и опустить те или иные языковые единицы без потери комического эффекта. В таком случае лексико-синтаксические трансформации рекомендуется дополнить уменьшением шрифта в выноске [1, с. 60].

На рисунке 2 текст-оригинал на немецком языке короче русского (16 лексических единиц против 21), поэтому шрифт при переводе слегка уменьшен. Разница в длине предложений обусловлена, прежде всего, отличиями в грамматическом строе рассматриваемых языков. В то время как в немецком языке чрезвычайно продуктивным способом словообразования является словосложение и существительное теоретически может состоять из неограниченного количества корней [8, с. 129], для выражения подобных концептов в русском языке необходимо использовать словосочетания, например: «der Deutschlehrer» – учитель немецкого языка, «die Lebensversicherungsgesellschaft» – компания по страхованию жизни.

В рассматриваемом примере комикса немецкое многоосновное существительное «die Wachsmalstiften» не имеет прямого эквивалента в русском языке и может быть передано только словосочетанием – дословно «восковые мелки для рисования». Однако переводчиком был применен прием смыслового развития и предложен вариант «мелки для малышей и подростков» с целью сохранения игры слов в оригинале: корень «wachs-» может не только обозначать органическое вещество (воск), но и выступать в качестве императива глагола

«расти». В таком случае сложное существительное приобретает окказиональное значение «мелки для роста». В комиксе на русском языке гномики, пользуясь мелками для подростков, надеются подрасти.

Рис. 2. Dumme Zwerge / Глупые гномики [13; 14].

При работе с комиксами также следует помнить, что помимо фраз в выносках переводиться должны и отдельные надписи как части изображения. При этом оформление может подвергаться существенным изменениям, как на рисунке 3, где в русскоязычной версии второй круг на поле приходится убрать.

Рис. 3. Hosenlatz / Гульфик [13; 14].

Одной из лексических особенностей креолизованных текстов является частое использование в них междометий и ономотопей – «звукоподражательных слов, возникших на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам» [6]. Именно такие краткие восклицания органично вписываются в пространство комикса и дополняют визуальную часть повествования. Поскольку общеизвестным является тот факт, что

носители разных языков и культур неодинаково интерпретируют звуки окружающего мира, подобную лексику также можно отнести к разряду культурно-маркированной. При переводе рекомендуется отказаться от транслитерации и транскрипции и обратиться к справочной литературе для поиска функционального эквивалента ономотопеи в языке перевода. Для немецкого и русского языков можно привести примеры таких пар эквивалентных звукоподражаний, как «blaff» – «бух», «platsch» – «плюх», «brumm» – «жжжж», «knips» – «щелк» [10, с. 50], «hüa» – «но-о» (см. рис. 4).

Рис. 4. Super Plan / Суперплан [13; 14].

В случае отсутствия прямого эквивалента лексемы в языке перевода переводчику необходимо подобрать к нему ситуативное соответствие либо использовать прием компенсации для сохранения стилистической окраски текста [9, с. 668]. Так, в примере ниже (см. рис. 5) немецкое междометия «kille kille» передается на русский язык с помощью узуальной подстановки.

Рис. 5. Kille Kille / Щекоть-щекоть [13; 14].

К особенностям немецкоязычных креолизированных текстов на фонетическом уровне относятся различного рода фонетические сокращения. Рисунок 6 демонстрирует тот случай, когда переводчик не может передать характерное для немецкого разговорного языка сокращение начального слога в существительном «Entschuldigung» как «'tschuldigung» и прибегает к приему компенсации, добавляя в текст на русском языке фамильярное обращение «уважаемый».

Рис. 6. Gipfeltreffen der Lamas / Саммит лам [4; 15].

Итак, при переводе комиксов на графическом уровне необходимо учитывать размер, плотность и объем текста для того, чтобы он поместился в выноске, а также сохранить выделение отдельных слов жирным шрифтом, если таковое присутствует в оригинале, поскольку подчеркивание смысловых доминант является важным элементом подобного повествования. На фонетическом уровне для комиксов характерно наличие звукоподражаний и междометий, которые должны передаваться с помощью функциональных эквивалентов или ситуативных соответствий. Таким образом, переводчик креолизированных текстов должен не только обладать обширными культурологическими знаниями о языке перевода, но и не бояться применять творческий подход при адаптации текста для иной лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавилова Л. Я., Мезина В. В. Проблемы перевода комиксов // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики. — Красноярск, 2018. — С. 60–62.
2. Денисова А. И. Американский комикс: факторы развития и феномен популярности //

- Аналитика культурологии. – Тамбов, 2011. – № 21. – С. 56–57.
3. Добрынина О. В. Особенности перевода комикса «categoria» с английского на русский язык // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 49–52.
 4. Зерут.ру – лучшие карикатуры от зарубежных авторов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zerut.ru/> (дата обращения 15.03.2021).
 5. Макклауд С. Понимание комикса: невидимое искусство; пер. с англ. В. Шевченко. – М.: Белое Яблоко, 2016. – 216 с.
 6. Ономатопея [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bse.slovaronline.com/25350-ONOMATOPEYA> (дата обращения 15.03.2021).
 7. Чертоусова С. В. Воспроизведение культурологического контекста в художественном переводе // Cuadernos de Rusística Española. – 2020. – Vol. 16. – С. 251–263.
 8. Чертоусова С. В. Машинный перевод научных текстов с русского на немецкий язык: эрратологический аспект // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии: сб. ст. / ред. кол.: В. А. Митягина (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 13. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. – С. 121–136.
 9. Чертоусова С. В. Передача просторечной лексики в переводах рассказов Л. Н. Толстого на испанский язык // Иностранные языки в диалоге культур: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 30 нояб. – 2 дек. 2017 г. / отв. ред. И. В. Коровина; редкол.: Е. Н. Ваганова [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. – С. 666–673.
 10. Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономатопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь: монография. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. – 289 с.
 11. Cohn N. Visual Narrative Structure // Cognitive Science. – 2013. – Vol. 34. – pp. 413–452.
 12. Mey K.-A. L. Pragmatic Aspects of Comics // Concise Encyclopedia of Pragmatics / ed. Jacob L. Mey. – Oxford: Elsevier Ltd., 2009. – pp. 80–85.
 13. Nichtlustig (Несмешно) – Очень смешные комиксы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/nichtlustig_ru (дата обращения 15.03.2021).
 14. Nichtlustig Cartoons von Joscha Sauer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://joscha.com/nichtlustig/201029/> (дата обращения 15.03.2021).
 15. Volkertoons [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.volkertoons.de/cartoons-holy-steinzeit.html> (дата обращения 15.03.2021).

АХМАТОВА Ю. С., ГРИГОРЬЕВА А. С.
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье подробно освещаются нормы, предъявляемые к переводу поэтического текста, а также рассматриваются методы его перевода. В этой связи анализируется перевод стихотворения С. А. Есенина «Письмо матери» на английский язык, выполненный переводчиком А. Вагаповым.

Ключевые слова: текст, стихотворение, перевод поэзии, нормы перевода, методы перевода, анализ, переводящий язык.

AKHMATOVA YU. S., GRIGORYEVA A. S.
SOME ISSUES OF TRANSLATION OF RUSSIAN POETIC TEXT INTO ENGLISH

Abstract. The article considers the requirements for translated poetic text and methods of its translation. In this connection the authors analyze the English translation of S. A. Yesenin's poem «A Letter to Mother» made by A. Vagapov.

Keywords: text, poem, poetry translation, translation rules, translation methods, analysis, translating language.

Невозможно переоценить роль русской литературы в мировом контексте. Ее значение многогранно, как и сама отечественная литература. За границей хорошо известны имена А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова и других русских писателей и поэтов, а их произведения широко читаются и цитируются. Говоря о русской литературе невозможно пройти мимо поэзии. В XIX веке весь мир был поражен поэтическим талантом А. С. Пушкина во многом благодаря переводчикам – Г. Дюпону, В. А. Жуковскому, которого сам Пушкин называл «гением» перевода [1].

Переводчик поэзии сам должен быть поэтом, чувствовать ритм, рифмы стихотворения, поэтому перевод поэзии считается одним из самых сложных видов перевода. По мнению Е. Эткинда, именно через поэзию в наибольшей степени выражается дух народа, то есть его особенности, черты, делающие этот народ отличным от других [2]. С его высказыванием солидарен и Е. А. Крук. По его мнению, поэзия – это высшая форма бытия национального характера, потому что в ней наиболее полно и ярко выражается дух народа, его культурное и историческое своеобразие [3]. Поэзией другого народа подчас бывает сложно проникнуться, ведь приходится постигать дух народа, его ценности, традиции и обычаи. Отсюда вытекает главная задача переводчика поэзии – перевести не только сам текст, но и то, что читатель

должен прочитать «между строк» и посредством поэзии оценить ценность культурного и исторического наследия данной страны.

К сожалению, проблемы перевода поэзии не заканчиваются лишь на трудности передачи народного колорита. Как считает В. Н. Комиссаров, перевод поэзии – довольно трудоемкий процесс, осложненный еще большим рядом проблем. Среди них он выделяет следующие [4].

1. Сохранение национальной самобытности. Как уже отмечалось, любое поэтическое произведение отражает действительность, в которой живет народ. Передача смыслов, связанных с историей народа, его культурой, возможна только при сохранении органичного единства формы и содержания, в его национальной обусловленности.

2. Сохранение исторической принадлежности произведения. Очень важно отразить в переводе атмосферу времени, присущую оригиналу.

3. Выбор между точностью и красотой перевода. До сих пор ученые-переводоведы не могут сойтись во мнении каким должен быть поэтический перевод – как можно более эквивалентным или более метафоричным, складным. Мы считаем, что хороший вариант перевода стихотворного произведения должен балансировать между точностью и стройностью. К сожалению, можно найти немало примеров, когда переводчику приходится жертвовать метафоричностью слога ради достижения наибольшей эквивалентности, но встречаются и еще более печальные случаи, когда в погоне за рифмой меняется смысл произведения.

Чтобы обойти упомянутые выше переводческие ошибки, стоит обратиться к И. С. Алексеевой, которая подытоживает споры о проблеме перевода поэтических произведений и выдвигает следующие требования и нормы для перевода стихотворений [5]:

1. Сохранение размера стихотворения и количества стоп;
2. Сохранение качества рифмы, то есть женская рифма передается женской, а мужская, соответственно, – мужской;
3. Передача приемов звукописи – ассонанса, аллитерации;
4. Сохранение таких стилистических фигур, как синтаксический и лексический повторы;
5. Сохранение способа рифмовки: перекрестной, парной, кольцевой.

Несомненно, переводчику нужно решить каким методом он будет пользоваться, чтобы перевести то или иное произведение. На данном этапе ему стоит обратить пристальное внимание на типологию поэтических переводов, основанную на работах С. Ф. Гончаренко, который выделяет три метода перевода [6].

1. *Поэтический перевод* как таковой. Этот метод перевода предполагает включение переводного текста в культуру и литературу переводящего языка. Каждый образованный русский человек читал басни И. А. Крылова даже и не зная, что это весьма точные переводы творчества Лафонтена, знает многие произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, не всегда догадываясь, что это переводы из Шенье, Гёте, Байрона.

2. *Стихотворный перевод* – это такой метод перевода поэзии, при котором фактуальная информация оригинала передается на переводящем языке не поэтической, а лишь стихотворной речью, то есть не всегда соблюдается рифма и ритм стихотворения. Таким образом достигается высокая степень приближенности текста к оригиналу как в отношении слов и выражений, так и в стилистическом отношении.

3. *Филологический перевод* поэтического текста выполняется прозой и нацелен на максимально полную (почти дословную) передачу фактуальной информации оригинала. Этот метод перевода, как правило, сопровождается параллельным текстом подлинника или переводческими комментариями.

Основываясь на полученных знаниях, мы бы хотели провести анализ перевода стихотворения С. А. Есенина «Письмо матери», выполненного русским переводчиком Аликом Вагаповым. Начать хотелось бы с композиционной организации текста оригинала. Композиция стихотворения – кольцевая (образы, упомянутые в начале, повторяются и в конце последней строфы). Стихотворение разделено на 9 строф по 4 строки в каждой. Размер стихотворения в оригинале – пятистопный хорей с облегченной стопой в начале некоторых строк.

Сюжета в стихотворении как такового нет – во время долгой разлуки лирический герой вспоминает свою мать, представляет как она его ждет в их родном доме и передает свои чувства в письме к ней.

Рифма произведения – перекрестная, наравне с мужской (мне-шушуне), встречается и женская (мраке-драке), а также точная (сбылось-привелось) и неточная (ветви-рассвете), открытая (успокойся-пропойца) и закрытая (сад-назад).

Автор использует следующие тропы: метафора («Струится... свет»), эпитет («В старомодном ветхом шушуне»), скрытое сравнение («Ты одна мне несказанный свет») и фигуры речи: инверсия («низенький наш дом», «тоски мятежной»), риторический вопрос («Ты жива еще, моя старушка?»)). Несложно заметить эмоциональную окраску текста, которая выражается в восклицательных предложениях и риторических вопросах.

Особое внимание следует уделить использованию таких просторечных слов, как «шибко», «саданул», «шушун», которые автор использует намеренно для передачи атмосферы обычной крестьянской жизни.

Теперь обратимся к переводному тексту и проанализируем его. Переводчик успешно сохранил структуру стихотворения, предложенную С. А. Есениным (9 строф по 4 строки). А. Вагапов использует тот же стихотворный ритм и что более важно – употребляет облегченную стопу в начале тех же строк, что и в оригинале. Перекрестный способ рифмовки, а также виды рифм тоже совпадают.

Обратимся к средствам выразительности. Метафору «струится свет» переводчик преобразовал в «May there be...the amazing stream», однако, сохранил эпитет «shabby overcoat». Из-за особенностей английского языка переводчик не сохраняет инверсию, и из «тоски мятежной» получается «dismal boredom», но это никак не влияет на смысл стихотворения, не затрудняет его понимание. Однозначным плюсом данного варианта перевода является то, что переводчик сохраняет эмоциональную окраску стихотворения - риторический вопрос («Are you still alive, my dear granny?»), восклицательные предложения («Now calm down, mom!»).

Важно обратить внимание на перевод просторечных слов, упомянутых выше. «Шибко» переводчик трансформирует в нейтральное «a lot», точно так же, как и «саданул» – в «plunged» и «шушун» – в «overcoat».

Таким образом, можно сделать вывод, что данный вариант перевода адекватен и эквивалентен оригинальному стихотворению. А. Вагапов сохранил большинство образных средств, представленных в оригинале произведения. Тем не менее, можно выделить большой недостаток перевода, который заключается в том, что переводчик перевел стилистически-окрашенные слова нейтральными, что не позволяет иностранцу, читающему стихотворение, полностью погрузиться в атмосферу крестьянской жизни в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковский: «Гений перевода» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studref.com/376254/literatura/zhukovskiy_geni.. (дата обращения 16.04.2021)
2. Эткинд Е. Поэзия и перевод. – М.-Л.: Сов.писатель, 1963. – 172 с.
3. Крук Е. В. Стилистические особенности перевода современной поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/238304/1/271-274.pdf> (дата обращения 12.04.2021).
4. Комиссаров В. Н. Новые тенденции в переводоведении // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Часть I. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. – С. 34–42.
5. Алексеева И. С. Устный перевод. Немецкий язык. – СПб.: Союз, 2003. – 314 с.

6. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (дата обращения 12.04.2021).
7. Стихотворение С. А. Есенина «Письмо матери» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/sergej-esenin-pismo-materi-ty-zhiva-eshhe-moya-starushka/> (дата обращения 13.04.2021).
8. Перевод Алика Вагапова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruverses.com/sergey-esenin/letter-to-his-old-mother/1816/> (дата обращения 13.04.2021).

ШАПОШНИКОВА А. А.

**ЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СТИЛИЗАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. В статье рассматривается явление гендерной стилизации в англоязычном художественном тексте на материале романа Донны Тартт «Щегол». Автор исследует базовый и имитируемый стили Донны Тартт с целью выявления и описания факта гендерной стилизации в исследуемом тексте. В заключение дается характеристика гендерного стиля Донны Тартт в романе «Щегол».

Ключевые слова: гендер, гендерный аспект, гендерные различия, гендерная лингвистика, гендерная стилизация.

SHAPOSHNIKOVA A. A.

GENDER STYLIZATION IN ENGLISH LITERARY TEXT

Abstract. The article aims at examining the phenomenon of gender stylization in English literary text in the case of the novel "The Goldfinch" by Donna Tartt. The author studies Donna Tartt's basic and imitated styles in order to identify and describe the fact of gender stylization in the text under analysis. In conclusion the author characterizes Donna Tartt's gender style in the novel "The Goldfinch".

Keywords: gender, gender aspect, gender differences, gender linguistics, gender stylization.

Одним из актуальных вопросов гендерной лингвистики в настоящее время является выявление закономерностей функционирования гендера в языковой системе, а также изучение особенностей женского и мужского вербального поведения. Кроме того, внимание исследователей привлекает проблема соотношения «автора» художественного текста «рассказчика», от лица которого ведется повествование. В рамках данного направления анализу подвергаются, в основном, произведения авторов-женщин.

Объектом настоящего исследования является речевое поведение главного героя англоязычного романа «Щегол» современной американской писательницы Донны Тартт. Предметом исследования является факт гендерной стилизации, который манифестируется в речевом поведении мужского персонажа, Теодора Декера, от лица которого ведется повествование. Актуальность данного исследования заключается в том, что явление трансформации гендерной идентичности автора, когда женщина пишет от лица мужчины, является весьма распространенным явлением в современной женской прозе и отражает общие тенденции в ее развитии. Следовательно, большой интерес представляет исследование явления гендерной стилизации в художественном тексте.

Одна из отраслей гендерной лингвистики, занимающаяся изучением вышеупомянутых вопросов, носит название гендерной стилистики. Ключевыми понятиями данной отрасли, которую лингвисты стали выделять сравнительно недавно, являются «гендерный стиль», «гендерная стилизация» и «субтекст». Прежде всего, следует дать определение понятию «языковой стиль» в целом. Согласно М. М. Бахтину, языковой или функциональный стиль по своей сути является жанровым стилем определенной сферы человеческой деятельности. Неповторимые условия вербального общения, характерные для той или иной сферы, обуславливают возникновение различных жанров и, как следствие, «...определенных, относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказываний» [1, с. 159].

Таким образом, касательно осмысления функционирования языка, понятию «стиль языка» присущ довольно высокий уровень абстракции. Данный факт отражается в максимально обобщенном характере экстралингвистических факторов, которые указывают на тот или иной стиль речи. Однако на формирование стиля художественного текста большое влияние оказывают и более частные экстралингвистические факторы. Одним из таких факторов, по мнению О. В. Пермяковой, является гендерная характеристика языковой личности [3]. Необходимо учитывать тот факт, что в данное понятие включена не только принадлежность автора к тому или иному биологическому полу, но и способность участника коммуникации намеренно нарушать гендерные стереотипы вербального поведения с учетом конкретной коммуникативной задачи, стоящей перед субъектом речи. Таким образом, можно говорить о трансформации гендерной идентичности автора художественного текста. Данное понятие тесно связано с таким термином, как «гендерный стиль».

Согласно О. В. Пермяковой, понятие «гендерный стиль» подразумевает под собой «речевую организацию художественного текста, которая обусловлена гендерной характеристикой автора, дифференциацией речи мужчин и женщин, а также вариативностью их речевого поведения, проявляющейся на различных уровнях языка» [3, с. 12]. В свою очередь понятие «гендерная стилизация» отражает изменение гендера рассказчика в художественном произведении на противоположный. Данное изменение может проявляться «в «смене пола» женщины как субъекта речи и воспроизведении стереотипов мужского речевого поведения в художественно-изобразительных целях» [3, с. 12].

Под понятием «субтекст» имеется в виду «сложная сюжетно-композиционная единица художественного текста, мотивированная гендером как параметром языковой личности, репрезентирующая гендерно определенную (женскую или мужскую) смысловую позицию и реализованная в произведении посредством базового (женского) или имитируемого (мужского) гендерного стиля» [3, с. 13]. Следовательно, «женский» и «мужской» субтексты

заключают в себе определенный гендерные стереотипы, сформированные обществом. Они отражают состояние социума на определенный момент времени и требуют дешифровки. Согласно Ю. М. Лотману, в данном случае текст является не только средством передачи какого-либо сообщения от автора читателю, но и носителем определенного культурного контекста [2].

В контексте гендерной стилистики ведется исследование гендерной стилизации в художественной коммуникации, а также анализ воспроизведения автором-женщиной отличительных черт мужского стиля письма. Также предпринимается попытка выявить связь гендерной стилизации с идейно-тематическим содержанием художественного текста. Как правило, в исследуемых художественных текстах, написанных от лица противоположного автору пола, в роли рассказчика выступает мужчина, а автором произведения является женщина.

С целью выявления факта гендерной стилизации, в художественном тексте исследователи подвергают анализу следующие компоненты:

1. Базовый гендерный стиль, то есть отличительные черты стиля автора-женщины;
2. Имитируемый гендерный стиль, то есть признаки стиля противоположного автору пола;
3. Гендерную идентификацию, то есть наличие идентификационных признаков авторского стиля в имитируемом стиле [3].

Для анализа художественного текста в данном аспекте все чаще применяется модифицированная методика автороведческой экспертизы. Суть методики заключается в следующем: во-первых, устанавливается факт трансформации гендерной идентичности автора текста. Следовательно, определяется базовый гендерный стиль автора-женщины. Следующий шаг анализа заключается в определении характерных черт мужского, то есть имитируемого, гендерного стиля. На заключительном этапе данного алгоритма происходит сравнение двух стилей и выявление гендерной стилизации [ibidem].

В настоящей работе также предпринимается попытка произвести гендерный анализ художественного текста с использованием модифицированной автороведческой экспертизы. В качестве материала исследования выбран роман Донны Тартт «Щегол». С целью выявления феномена гендерной стилизации в данном художественном тексте, нами были установлены характерные признаки индивидуального стиля автора, а затем сопоставлены с характерными чертами стиля письма имитируемого автором пола.

В первую очередь, следует выделить базовый гендерный стиль в исследуемом художественном тексте, то есть выявить признаки, традиционно приписываемые автору-

женщине. Согласно мнению различных исследователей, базовому гендерному стилю женщины-автора наиболее присущи следующие отличительные черты:

- 1) использование однородных членов предложения;
- 2) часто встречающиеся повторы;
- 3) прерывистость изложения;
- 4) риторические вопросы;
- 5) большее количество сложных союзных или бессоюзных предложений, чем простых предложений [3].

В исследуемом нами художественном тексте также присутствуют вышеперечисленные признаки базового гендерного стиля. Во-первых, в качестве одного из наиболее характерных признаков стиля Донны Тартт следует выделить частое использование однородных членов предложения. С помощью их многократного употребления автор стремится с точностью передать эмоциональное состояние главного героя, а также создать эффект еще большей достоверности описываемых событий: *The ground was tumbled and bucked-up with heaps of a gray substance like moon rock, and blown about with broken glass and gravel and a hurricane of random trash, bricks and slag and papery stuff frosted with a thin ash like first frost* [4, p. 47]. В данном предложении присутствуют однородные члены «tumbled», «bucked-up», «blown about», выраженные глаголами в форме Past Participle. Кроме того, присутствуют однородные члены, выступающие в роли дополнения, выраженные существительными: «broken glass», «gravel», «hurricane», а также «trash», «bricks», «slag», «papery stuff» и т.д.

Во-вторых, к отличительным чертам женского стиля лингвисты относят многократное повторение подлежащего в начале предложения (анафора). В романе Донны Тартт также находит свое отражение данный отличительный признак: *I'm sure I wouldn't even remember it had she not died so soon after, but I thought about it again and again after her death and indeed I'll probably think about it all my life* [4, p. 8] Данный прием зачастую используется автором для того, чтобы акцентировать внимание на чувствах и переживаниях главного героя. В частности, многократное повторение подлежащего «I» в начале предложения отчасти свидетельствует о том, что все внимание Теодора Декера сконцентрировано на собственной персоне, он воспринимает себя как единственного героя в своем повествовании.

В-третьих, яркой отличительной исследуемого текста является использование коротких синтагм для передачи напряженного эмоционального состояния персонажа: *chaotic room-service trays; too many cigarettes; lukewarm vodka from duty free* [4, с. 6]. Таким образом автор передает состояние героя в один из самых эмоционально напряженных моментов на протяжении всего повествования. Главный герой оказывается в полном одиночестве в отеле Амстердама, в котором он вынужден искать убежища после убийства одного из своих

противников. В описываемый момент герой испытывает невыносимые эмоциональные и физические страдания. Для усиления эмоционального воздействия на читателя автор прибегает к использованию коротких синтагм.

В-четвертых, в исследуемом нами тексте также встречается большое количество риторических вопросов. Как правило, они используются для изображения затруднительной ситуации, в которую попадает главный герой. Риторические вопросы достаточно ярко передают напряженное эмоциональное состояние главного героя в момент речи, а также свидетельствуют о попытке разобраться в ситуации и принять непростое решение. В качестве примера следует привести следующие риторические вопросы, которые свидетельствуют о тяжелом эмоциональном состоянии персонажа в момент размышления о совершенном преступлении: *How could I have been so stupid? But how could I defend myself, when I didn't even know what they knew?* [4, p. 13].

В-пятых, для данного художественного текста характерно преобладание сложных союзных и бессоюзных предложений. Благодаря излишней детализации повествования за счет использования длинных, громоздких предложений, осложненных однородными членами и различными средствами художественной выразительности, автор концентрирует внимание читателя на мельчайших подробностях повествования, а также с высокой степенью достоверности описывает мысли и чувства главного героя: *But though on some level it was all easy enough pretending everything was the same (because, in some way, hadn't we both been pretending all along?) on another I felt nearly suffocated by the weight of everything unknown, and unsaid, pressing down between us, and later when she lay curled against me asleep I lay awake and stared out the window feeling completely alone* [4, p. 673].

На втором этапе анализа художественного текста «Щегол» Донны Тартт нами был проанализирован «мужской субтекст» произведения. Под данным понятием подразумевается текст, написанный женщиной-автором с целью имитации мужского речевого поведения.

По мнению О. В. Пермяковой, к признакам мужского стиля письма, которые чаще всего подвергаются имитации, относятся:

- 1) изображение субъекта текста в качестве лица мужского пола;
- 2) использование лексических единиц, свойственных мужской речи (например, стилистически сниженной лексики и т.д.);
- 3) описание реалий мужского мира [3].

К примеру, в исследуемом нами художественном тексте часто встречается терминологическая лексика, что в большей степени является признаком текста автора-мужчины: «Venice turpentine», «lampblack», «trompe l'oeil», «butterscotch gloss», «gilding»,

«interstices» и т. д. В основном термины относятся к области изобразительного искусства или связаны с реставрацией антиквариата.

Кроме того, текст изобилует бранной и стилистически сниженной лексикой: *I hadn't done blow since Carole Lombard left town and there was no possibility of going to sleep* [4, p. 614]. Ярким примером служит следующее предложение: *Anyhow, he knew damn well I wasn't Jew, he laughed in my face, but he took me on anyway and that was very kind of him* [4, с. 613]. Посредством использования грубых лексических единиц, автор с наибольшей выразительностью передает эмоциональное состояние героя. Грубая лексика также позволяет правдоподобно передать коммуникативное поведение персонажа, что является одной из важнейших задач при написании художественного текста от лица противоположного пола.

Другим часто имитируемым признаком мужского речевого поведения является описание реалий мужского мира. Например, одним из наиболее распространенных в обществе стереотипов о мужском поведении является стереотип «доминирующей маскулинности». Он отражает суть мужского превосходства и выражается в сочетании авторитета и маскулинности. Под доминированием в данном случае имеется в виду не только доминирование во взаимоотношениях с противоположным полом, но и во взаимоотношениях с представителями своего же пола. Следовательно, существует определенный набор характеристик, которыми должен обладать представитель мужского пола для того, чтобы соответствовать тем или иным общественным стандартам.

В исследуемом нам художественном тексте писательница с достаточной достоверностью описывает жизнь главного героя мужского пола, Теодора Декера, и его мировоззрение. Во-первых, большое внимание в произведении уделяется экономической независимости главного персонажа, его стремлению зарабатывать деньги: *I would go to pick my clothes from off the floor—hundreds of dollars falling out from the pockets—no idea where it came from* [4, p. 535]. В данном предложении использована абсолютная именительная причастная конструкция «hundreds of dollars falling out from the pockets» для того, чтобы подчеркнуть финансовую состоятельность героя.

Во-вторых, подчеркивается умение персонажа реализовать себя в карьерном плане. Он становится успешным продавцом антиквариата и зарабатывает целое состояние, вместе с тем поправляя дела с антикварным магазином своего учителя: *...his complete lack of interest in goings-on in the store gave me considerable freedom to set about the business of raising cash and taking care of bills...I'd managed to pay off hundreds of thousands in back taxes on the townhouse.... I'd gotten the shop out of debt* [4, с. 535]. В данном отрывке используется сленговое выражение «to raise cash» для описания успешности героя.

Тем не менее, в данном художественном тексте, кроме хорошо имитируемых признаков мужского стиля письма, легко прослеживаются характеристики базового гендерного стиля. Данный факт позволяет определить истинный гендер автора произведения. Как уже упоминалось, текст изобилует однородными членами предложения, риторическими вопросами и повторами, громоздкими сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями, часто прослеживается прерывистость изложения. Данные характеристики, согласно многим исследователям, совершенно не характерны для мужского речевого поведения.

Итак, на основании проведенного анализа, представляется возможным выявить факт гендерной стилизации в художественном тексте. Исследовав художественный текст Донны Тартт «Щегол» на различных уровнях, можно заключить, что ему присущ ряд речевых характеристик, вступающих в противоречие с установленной классификацией «мужское – женское». Несмотря на то, что автор имитирует мужское речевое поведение, в произведении четко прослеживается эмоциональная основа сюжетного развертывания поведения. Иными словами, изложение событий в хронологическом порядке не представляет для автора наибольшей ценности. Наоборот, акцент в повествовании делается на детальном описании чувств и переживаний главного героя, что придает больший психологизм художественному тексту, что является одним из наиболее характерных признаков женского стиля.

В заключение хотелось бы отметить, что художественный текст, написанный женщиной-автором от лица рассказчика-мужчины, представляет собой уникальное произведение, в котором делается попытка объединить мужской рациональный взгляд на мир и женское эмоциональное мироощущение. Данный факт может служить одним из способов самовыражения женщины-автора, которая прибегает к трансформации гендерной идентичности в художественном тексте с целью достоверно изобразить мужской взгляд на мир, мужские чувства и переживания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5: Работы 1940-1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–206.
2. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Текст в тексте: Труды по знаковым системам. – Тарту, 1981. – Вып. 14. – С. 3–18.
3. Пермякова О. В. Явление гендерной стилизации в современной женской литературе: на материале французского и русского языков: дисс. ... канд. филол. н. – Пермь, 2007. – 176 с.
4. Tartt D. The Goldfinch. – London: Abacus, 2014. – 864 p.

ГУБАНИЩЕВА И. В.

**СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА УСПЕШНОЙ ЖЕНЩИНЫ
В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Аннотация. В статье анализируются языковые средства, актуализирующие современный образ «успешная женщина» в англоязычных публицистических статьях. Выявляются выразительные средства, формирующие исследуемый образ. В результате исследования были отобраны распространенные средства языковой репрезентации образа успешной в своем деле женщины, а также раскрыта специфика их функционирования.

Ключевые слова: языковые средства выразительности, образ, успех, женщина.

GUBANISHCHEVA I. V.

**IMAGE OF SUCCESSFUL WOMAN IN CONTEMPORARY
ENGLISH MEDIA: REPRESENTATION SPECIFICS**

Abstract. The paper analyzes the linguistic means that actualize the present-day image of a successful woman in English media articles. Frequently used language means that form the image under study are noted. As a result, common means of linguistic representation of the image of a successful woman were selected and the specifics of their functioning was revealed.

Keywords: linguistic expressive means, image, success, woman.

В истории человека женщина всегда занимала зависимое положение и её социальные функции были predetermined. В последнее время роль представительницы прекрасного пола в обществе кардинально поменялась. Изменения, произошедшие под влиянием многих факторов, находят своё отражение в общественном сознании, а также в лексических и стилистических средствах, что формируют новый закрепляющийся образ современной женщины.

Следует отметить, что понятие «образ» сложное и многогранное. Как определяет Ю. В. Белоусова: «Образ – это конструкт сознания, манифестированный индивидом в современной жизни. В этом качестве образ является средством социальной коммуникации, он функционирует в мире социальных норм, чувств и переживаний. Посредством образа можно задать нормы, предъявить свое отношение к ним, выразить свои чувства. Образ формирует социальные ожидания от окружающих, которые могут оправдываться и не оправдываться» [3, с. 28]. Что касается образа женщины, то большая роль в его формировании отведена публицистике, которая притягивает к себе массового читателя и

способствует формированию различных стереотипных мнений, а также отображает процесс трансформаций репрезентации женщин.

Так, в средствах массовой информации наблюдается явный переход от устоявшегося образа хранительницы домашнего очага к образу успешной женщины, реализующей себя в разных сферах жизни современного общества и имеющей особый статус. Однако новое положение женщины не встретило ещё широкий отклик у представителей противоположного пола, которые упорно не хотят воспринимать работающих женщин как серьезных потенциальных конкурентов.

Чаще всего образ независимой и успешной женщины строится на основании интервью женщины, которая совмещает домашние заботы с профессиональной деятельностью. Кроме того, представления о современной работающей женщине возникают благодаря трудам женщин в журналистике, занимающихся разбором чужой жизни и освещающих это с добавлением личного видения происходящего.

Целью статьи является изучение и анализ языковых средств, используемых в современной англоязычной публицистике для репрезентации образа «успешная женщина». Исследование языковых средств формирования образа «успешная женщина» в англоязычной публицистике проводится в данной работе на основе английских газет и журналов, в которых довольно часто освещаются проблемы современных женщин, стремящихся добиться успехов не только в рамках собственной семьи, но также и преуспеть в карьерном росте. В качестве материала исследования в данной работе используются статьи из британской качественной прессы – газета «The Independent». Также для исследования языкового выражения образа женщины, стремящейся к успеху, в данной работе используются статьи из женского журнала «Her Magazine».

Формирование образа успешной женщины в современных англоязычных медиатекстах происходит, в первую очередь, за счет разнообразных лексических средств. Одним из частотных лексических средств создания исследуемого образа являются лексемы, номинирующие деловых женщин. Такие номинации представляют собой сложные существительные или номинативные словосочетания, которые в обязательном порядке включают в свой состав слово *woman* (женщина) или синонимические понятия. Обратимся к примеру: *Many businesswomen have more pressing domestic demands on their time and feel guilty if they take time out from their families to write* [6].

В данном примере для обозначения деловой женщины используется ставшее уже традиционным слово *businesswoman*. Это слово появилось в английском языке как аналог лексеме *businessman*. В современном английском языке слово *businesswoman* используется достаточно активно и давно вошло в активный словарный запас. Формируется образ

независимой женщины, стремящейся найти применение собственным возможностям не только в сфере семьи и материнства, согласно общепринятым стереотипам, но и в области собственной карьеры.

Кроме рассмотренного примера, были выявлены следующие лексемы, номинирующие успешных женщин: «*women in business*», «*woman in power*», «*business lady*», «*career women*». Следует также отметить, что выделяется группа лексических единиц, которые представляют собой названия должностей, к которым обязательно прибавляется либо компонент *woman*, либо компонент *female*, чтобы показать, что занимаемая должность принадлежит именно женщине: например, «*woman founder*», «*female scientists*», «*female professors*», «*female boss*».

Отдельную группу лексических средств, участвующих в формировании образа деловой женщины в англоязычной публицистике, составляют профессионализмы. Профессионализм представляет собой «слово или выражение, свойственное речи данной профессиональной группы» [1, с. 371]. В случае с образом «успешная женщина» профессионализмы – это лексемы, близкие к терминам группы «бизнес» в английском языке. Однако в некоторых случаях профессионализмы отражают стереотипные ассоциации с образом успешной женщины: *Yes, we are all about progression and leadership – but what about alternative careers, passion projects, maternity leave, flexible working, working from home, juggling motherhood, dealing with male-dominated workplaces and making yourself heard?* [6].

Словосочетания *maternity leave* (декретный отпуск), *flexible working* (работа в режиме гибкого рабочего времени), *working from home* (работа на дому) воспроизводят стереотипы о том, что женщинам сложно добиться статуса «успешная женщины», поскольку ее основной задачей является создание семьи и поддержание домашнего очага. В отличие от делового мужчины, деловая женщина, по мнению автора медиатекста, не может полноценно добиться образа «бизнесвумен», исходя из необходимости иметь гибкий график или работать на дому, в частности, в период декретного отпуска, чего требует материнство.

Еще одной интересной лексической особенностью в рамках формирования образа деловой женщины в англоязычном медиадискурсе является использование окказионализмов – «невоспроизводимых новых слов, контекстуальных неологизмов, существующих только в определенном контексте» [2, с. 113]. Например: *Its use of graphs, real-life mumpreneur stories and 'next step' prompts ensure that readers will put down the book ready to take action* [6].

В приведенном примере в качестве составляющей образа деловой женщины выступает слово *mumpreneur*, которое можно считать окказионализмом. Это слово создано на основе лексемы *entrepreneur* (предприниматель) за счет замены первой части слова на компонент *mum* (мама). Таким окказионализмом автор газетной статьи выражает свое

мнение о несостоятельности деловой женщины в современном мире, поскольку в первую очередь женщина – это мать, а не предприниматель.

Формирование образа деловой женщины в англоязычной публицистике происходит не только за счет лексических средств, но также и про помощи стилистических особенностей газетных и журнальных статей. В анализируемом материале мы выделили несколько стилистических особенностей, которые позволяют, наравне с лексическими средствами, сформировать образ «успешная женщина».

В качестве стилистического средств формирования образа деловой женщины в анализируемых статьях часто используется метафора, которая представляет собой «семантическое явление, вызванное наложением на прямое значение слова добавочного смысла, который у этого слова становится главным в контексте художественного произведения» [4, с. 210]. Рассмотрим следующий пример: *She is currently working on the release of her new book, Build an Empire – How to Have It All, where she plans to inspire and equip others find the path of success in their careers and their relationships* [7]. В данном примере метафора наблюдается в словосочетании *find the path to success*. Метафорический перенос основывается на сравнении создания карьеры и движения (в данном случае, к успеху) как главном условии для формирования образа деловой женщины в современном мире.

Рассмотрим еще один пример: *Yes, we are all about progression and leadership – but what about alternative careers, passion projects, maternity leave, flexible working, working from home, juggling motherhood, dealing with male-dominated workplaces and making yourself heard?* [6]. В этом случае метафора *juggling motherhood* (дословно: жонглировать материнством) используется с целью показать сложность образа деловой женщины, связывая это с ее главным назначением, стереотипным в современном английском обществе – уходом за детьми.

Еще одним стилистическим средством, которое иногда используется в англоязычной публицистике для создания исследуемого образа женщины – это сравнение. Сравнение как стилистический прием – это «образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета» [5, с. 280]. Сравнение используется в анализируемом материале для формирования образа успешной женщины в неразрывном сочетании с образом матери и домохозяйки. Подтверждение можно наблюдать в следующем примере: *“A business is like a baby — it requires a ton of care in its early stages. You will find yourself giving all your energy to get it off the ground. However, once it grows up? It’s like*

witnessing the child that you birthed fully come to life. The more love you give it, the better it turns out, " she says [8].

В приведенном примере представлен образ успешной женщины как женщины, сочетающей в себе умения материнства и карьерного роста. В связи с этим бизнес в отношении женщины сравнивается с ребенком, который растет, требует внимания и любви.

Таким образом, отметим, что лексико-стилистические средства формирования образа успешной женщины разнообразны. Исследование языковых средств позволяет понять специфику репрезентации образа деловой женщины. В условиях современного общества, безусловно, происходит трансформация образа женщины. Однако материальное благополучие и социальный рост женщины не воспринимаются социумом серьезно. Поэтому образ «успешная женщина» совмещает в себе современные стереотипы о бизнесвумен, а также традиционные представления о представительницах прекрасного пола как о матерях и домохозяйках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Либроком, 2018. – 576 с.
2. Бабенко Л. Г. Лексикология русского языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 126 с.
3. Белоусова Ю. В. Медийный образ как средство коммуникации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №12-1. – С. 27–31.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – 4-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 448 с.
5. Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М.: РГГУ, 2013. – 584 с.
6. 10 Best Business Books Written by Women [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/extras/indybest/books/non-fiction-books/bestbusiness-books-nonfiction-by-women-in-business-feminist-a8393251.html> (дата обращения 25.04.2021).
7. Elena Cardone Wants YOU to Build an Empire [Электронный ресурс] // Her Magazine. – Режим доступа: <https://hermag.co/elena-cardone-wants-you-to-build-an-empire/> (дата обращения 25.04.2021).
8. Kathrin Zenkina: The Master Manifestor [Электронный ресурс] // Her Magazine. – Режим доступа: <https://hermag.co/kathrin-zenkina-the-master-manifestor/> (дата обращения 25.04.2021).

ХАРЛАМОВА А. К., ВАГАНОВА Е. Н.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение таких понятий, как «картина мира», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «фразеологическая картина мира». В результате выделяются наиболее существенные признаки фразеологической картины мира, а именно: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, концептуальная картина мира, антропоцентризм, экспрессивность.

KHARLAMOVA A. K., VAGANOVA E. N.

PHASEOLOGICAL WORLD VIEW: THEORETICAL APPROACH

Abstract. This article examines the correlation between the concepts "world view", "conceptual world view", "linguistic world view", "phraseological world view". As a result, the study reveals the essential features of phraseological world view, such as universality, anthropocentrism, expressiveness.

Keywords: world view, linguistic world view, conceptual world view, anthropocentrism, expressiveness.

Окружающая человека действительность воспринимается им как картина со своими сложными взаимосвязями между предметами и явлениями. Другими словами, это своеобразный способ структурирования информации о мире, реальной или мыслимой действительности.

Термин *картина мира* является общенаучной категорией. Предложенный сначала физиком Г. Герцем, он проникает в гуманитарное знание благодаря использованию в трудах К. Ясперса, Л. Витгенштейна и Л. Вайсгербера. Позднее переносится и в другие сферы: психологию, гносеологию, культурологию и лингвистику в том числе. Ему соответствуют также такие понятия, как «мировидение», «тезаурус», «модель мира», «образ мира» и многие другие. С помощью этого термина обозначают целостный, глобальный образ мира, который выступает как результат всей духовной деятельности человека и его контактов с миром – бытовых контактов, предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира [8, с. 19]. Исходя из определения, можно обозначить присутствие в картине мира таких свойственных сознанию человека компонентов, как познавательный, нравственный, эстетический. Они в свою очередь отражаются в науке, искусстве, морали как сферах человеческой деятельности.

Картина мира находит своё вербальное выражение в языке, исходя из чего учёные выделяют отдельно языковую картину мира (ЯКМ). Она противопоставляется концептуальной картине мира (ККМ) как совокупности объективных знаний об окружающей человека действительности. Анна. А. Зализняк даёт ЯКМ следующее определение – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности» [4]. Картина мира может быть как индивидуальной, так и коллективной. Носителем ККМ является человек или сообщество, а носителем ЯКМ – языковая личность или языковой коллектив.

В. В. Морковкин выделяет источники, которые принимают участие в создании картины мира: а) врождённое знание; б) знание, полученное в результате практической деятельности (при взаимодействии с природой и социумом); в) знание при ознакомлении с текстами; г) выработанное в процессе мышления знание; д) знание, внушённое родным языком, или «когнитивное наследство» [10, с. 32–43]. Если ККМ формируется на базе любых из вышеперечисленных источников, то ЯКМ опирается исключительно на один из них, а именно на знание, внушённое родным языком.

Элементом ККМ выступают информемы, или информационные целостности, в ЯКМ основным элементом становятся концепты, то есть означенные информемы. И если экспонентами ККМ могут служить разные виды деятельности, язык, жесты, мимика, изобразительное искусство, музыка, ритуалы, этикет, то ЯКМ экспонируется исключительно посредством этнического языка [2, с. 398].

Проводя дальнейшую дифференциацию, можно отметить глобальность ККМ. Картины мира ввиду общей логики человеческого мышления могут быть схожими у людей. Различия тоже имеют место ввиду профессиональной занятости людей, их существования в разных эпохах и принадлежности к разным социальным и возрастным группам. Таким образом, в зависимости от условий даже у людей, говорящих на одном языке, картины мира могут различаться, а у людей с одинаковым языком – сходиться. В этом аспекте ЯКМ не может быть глобальной, потому что она обусловлена конкретным этническим языком. Следовательно, ККМ и ЯКМ соотносятся друг с другом как целое и частное [2, с. 398–399].

При изучении ЯКМ лингвисты большое значение придают фразеологизмам, поскольку они, согласно В. Н. Телии, «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [11, с. 9]. Языковые единицы, в том числе и фразеологизмы, обладают «культурной памятью». В. А. Маслова называет фразеологизмы хранителями культурной информации, которые вносят «свой вклад

в общую мозаичную картину национальной культуры». Причём фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального понимания, но и формирует их [6, с. 87–88]. Это означает, что ФЕ, сохраняя в себе культурное наследие народа и отражая мировоззрение носителей языка, могут использоваться при выявлении национально-культурных особенностей, что является актуальной темой, существующей на стыке языкознания и лингвокультурологии. Так, лингвистами выделяется особая, фразеологическая картина мира (ФКМ) как составная часть языковой картины мира.

Исследованием ФКМ занимаются такие учёные, как Н. Ф. Алефrienко, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский, Р. Х. Хайруллина. Такая картина мира выражена фразеологическими средствами языка, и «каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определённые функции в описании реалии окружающей действительности [12, с. 48]. Если подробно рассмотреть фразеологический состав языка, становится возможным установить связь с образом мышления его носителя. Фразеологизмы изучают с позиций гносеологического и лингвистического подходов. Первый ставит во внимание экстралингвистические факторы, которые участвовали в формировании целостного значения ФЕ, а второй занимается языковыми механизмами их образования. Кроме того, используются синхронический и диахронический способ исследования.

Необходимо отметить, что ФКМ отражает сведения о мире на уровне обыденного сознания, из чего следует, что она «наивна» и характеризуется знаниями обычного человека, закреплёнными на его повседневной практике. ФКМ складывается обиходным, обыденным мышлением, которое обычно противопоставляют научному и, как подчёркивает Б. А. Серебренников, «обычно довольствуется результатами поверхностных наблюдений» [9, с. 106]. Лингвистами отмечается, что ФКМ образуется взаимодействием семантического, семиотического и концептуального пространств. Более того, некоторыми учеными выделяется универсальная ФКМ, так и национальные и специальные, которые характеризуются экспликацией части концептуальной картины мира, экспрессивностью, антропоцентризмом, образностью, моделируемостью [3, с. 62].

Отдельно стоит выделить главные отличительные признаки ФКМ: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность.

Универсальность заключается в том, что все языки включают в себя фразеологические единицы. Сами ФЕ также универсальны по своей семантике и структуре. В плане содержания подразумевается тот факт, что с помощью ФЕ выражаются общие для каждого языка семантические категории (пространства, времени, интенсивности и др.), а

сами они обладают целостным значением, которое не выводится из значения компонентов фразеологизма. Универсальность в плане выражения касается общих для разных языков правил и моделей, по которым образуются фразеологизмы, а также тематико-идеографического принципа их классификации.

Антропоцентризм проявляется в ориентации ФКМ на человека, который является «центром существующего мира» [13, с. 11]. Этот признак ФКМ можно выразить с помощью знаменитого тезиса древнегреческого философа Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Поэтому все проявления окружающей действительности сравниваются субъектом с самим собой, он воспринимает мир по своему «образу и подобию». Это ярко прослеживается в составе ФЕ, в которых встречаются обозначения из понятийной сферы «человек», то есть в ФКМ находят отклик быт, нравы, обычаи и поведение людей, характеристика их внешности, умственных способностей, личных и моральных качеств, отношение людей к миру и друг к другу [6, с. 68].

Говоря об экспрессивности, представляется необходимым упомянуть такой аспект фразеологических оборотов, как коннотация, которая наряду с денотативным и сигнификативным аспектом входит в понятие фразеологического значения. Коннотативный аспект объединяет в себе множество показателей. Лингвисты А. М. Мелерович, А. В. Кунин, В. Н. Телия выделяют следующие: оценочность (способность выражать положительное или отрицательное отношение), эмоциональность (выражение чувств), экспрессивность (отображение степени интенсивности эмоционально-оценочного аспекта), стилистический (указание информации о сферах общения, в которой уместен фразеологизм) компонент и образность (способность создать наглядно-чувственные представления), и все они помогают отразить как признаки обозначаемого объекта, так и отношение субъекта речи к нему. Экспрессивность ФКМ считается одной из ведущих характеристик и рассматривается «как ингерентная функциональная характеристика ФЕ, основанная на особенностях фразеологической семантики, в состав которой входит коннотативный компонент с элементами эмотивности, оценочности, интенсивности» [3, с. 62]. Таким образом, коннотативный аспект представляет эмоционально-экспрессивную сторону фразеологизмов, которая обуславливает специфику всей ФКМ.

Экспрессивность, в свою очередь, включает в себя образность и модальность. В. М. Мокиенко определяет образность как «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» [7, с. 123]. Она может проявляться в различных стилистических приёмах, например в гиперболе (преувеличении) – *астрономическая цифра* или литоте (преуменьшении) – *с гулькин нос*, но её суть остаётся та же – базой для образности фразеологизма служит аналогия, или

сравнение. Фразеологическая номинация в свою очередь основана на переосмыслении, а как отмечает А. В. Кунин, это такой способ познания действительности сознанием человека, который связан с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей объектов на основе установления между ними связей [5, с. 132–133].

В когнитивной лингвистике ключевым понятием выступает концепт как зафиксированный смысл, образ в сознании человека. Что касается фразеологических концептов, то они формируются на базе метафоры, а также метонимии как её разновидности. В процессе метафоризации происходит переосмысление наименований (переструктурирование образов) по сходству и подобию различных признаков (цвета, формы, функции и т.д.). Благодаря этому во фразеологических единицах воплощается концепт. Результатом уподобления в процессе метафоризации становится образно-ассоциативное представление. Национальная картина мира любой лингвокультурной общности связана с этническим сознанием, которое даёт уже известным концептам вторичное наименование – на этом основывается метафорический перенос. Этнос опирается на ранее имеющиеся знания о некоем концепте, выбирает нужный признак, мотивирующий перенос, и этот признак служит в дальнейшем главной характеристикой вербализуемого концепта. К примеру, *сердце* служит центром чувств и души человека, в народном представлении соотнесено с «солнечным сплетением», «подложечкой». Формы выражения того или иного признака концепта *сердце* могут изменяться, устаревать или вовсе исчезать. Но в языке как сокровищнице народного, национального мировидения до сих пор сохранились фразеологизмы *лежать гнётом на сердце*, *ужалить в самое сердце*, *предлагать руку и сердце*, *забирает за сердце*, которые отражают сильные душевные потрясения или пылкие чувства. Примером фразеологической экспликация базовой эмоции «Trauer / печаль» в немецком и русском языковом сознании авторы настоящей статьи продемонстрировали в ходе анализа лексикографических источников [1].

Получается, что ФКМ представляет собой образную систему мировоззрения народа. Особенности восприятия окружающей действительности этносом проявляются при самом подходе к выбору образа, его мотивировке, а также отражается в специфике оформления образности средствами языка. Важно учитывать тот факт, что разные народы по-разному воспринимают окружающую действительность, и тогда отдельные фрагменты ФКМ, важные для одного народа, могут иметь меньшее значение или совсем ничего не значить для другого народа.

Ещё одна необходимая характеристика для ФКМ – это модальность, под которой подразумевается то, как сообщаемое относится к действительности. Её можно рассматривать с различных позиций. Например, выражение реальности и нереальности, необходимости,

вероятности в языке обозначают объективной модальностью, а согласия или несогласия, уверенности или неуверенности – субъективной. Факты и явления действительности получают разностороннюю оценку, так что модальность заключает в себе деонтическую (нормативную), аксиологическую (ценностную) и эмотивную (связанную с чувствами) виды оценок. Оценка почти всегда имеет место, когда познающий субъект отражает образное представление о мире в ФЕ [14]. Приведенные рассуждения демонстрируют, что ФКМ представляет ценностно-нормативную картину мира, в которой огромную роль играет субъективный взгляд либо индивида, либо языкового коллектива.

Подводя итог, следует дать краткую характеристику фразеологической картине мира. Она является частью языковой картины мира и образной системой особых языковых единиц, которые хранят в себе и отражают специфику национального мировоззрения на быденном уровне. Характерными признаками картины являются универсальность, антропоцентризм и экспрессивность, а также в неё входят образность и деонтическая, аксиологическая и эмотивная модальность как составляющие экспрессивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ваганова Е. Н., Харламова А. К. Фразеологическая экспликация базовой эмоции «Trauer / печаль» в немецком и русском языковом сознании // Дневник науки. – 2021. – № 4. – С. 1–12.
2. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.
3. Гриднева Т. В. Фразеологическая картина мира и ее семантическое пространство // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7 (41). – С. 61–65.
4. Зализняк Анна. А. Языковая картина мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.krugosvet.ru/node/41681> (дата обращения 10.05.2021).
5. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 203 с.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие для студ. филол. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.

8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.; отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
9. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1988. – 248 с.
10. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
12. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – 2-е изд. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 299 с.
13. Человек: энциклопедический словарь / под. ред. Ю. Г. Волкова, В. С. Поликарпова. – М.: Гардарики, 1999. – 518 с.
14. Ючковская Л. Т. К вопросу о фразеологической картине мира // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – № 1 (36). – С. 161–164.

ЛУШНИКОВА И. С.
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования различных языковых средств с целью повышения убедительности публицистического текста англоязычных авторов. Особое внимание уделяется таким языковым средствам, как тропы, фигуры речи, маркеры метадискурса; также затронуты их функции, выполняемые в тексте.

Ключевые слова: убеждение, языковые средства, метадискурс, тропы, фигуры речи, читатель, автор.

LUSHNIKOVA I. S.
LINGUISTIC MEANS OF PERSUASION
IN ENGLISH MEDIA TEXTS

Abstract. The paper considers the peculiarities of using various linguistic means in order to increase the persuasiveness of a media text by English-speaking authors. The study is focused on such linguistic means as tropes, figures of speech, metadiscourse markers. Their functions in the text are also touched upon.

Keywords: persuasion, linguistic means, metadiscourse, tropes, figures of speech, reader, author.

Как известно, убеждение – это часть человеческого общения, элементы которого используются для воздействия на суждения и действия собеседника. Американский академик, Ричард Перлофф, утверждает, что убеждение можно определить как «символический процесс, в котором коммуникаторы пытаются убедить других людей изменить свое мнение или поведение в отношении проблемы посредством передачи сообщения в атмосфере свободного выбора» [5, с. 225].

Механизм убеждения работает за счет эмоциональной нагрузки, которую несут те или иные языковые средства. В этой связи они выступают в роли средств убеждения, которых существует несколько видов. Самые распространенные из них – маркеры метадискурса. Их можно определить как «набор средств, который автор использует для организации своих текстов, привлечения читателей и передачи своего отношения, как к материалу, так и к своей аудитории» [7, с. 156].

Рассматривая использование маркеров метадискурса, ученые выделяют следующие его категории: *interactive* и *interactional* [1, с. 49]. Первая категория помогает читателю

ориентироваться в тексте, и делится на средства, которые:

- выражают семантическую связь между главными предложениями (transitions);
- относятся к последовательности, структуре текста (frame markers);
- ссылают на информацию из других частей текста (endophoric markers);
- ссылают на информацию из других работ (evidentials);
- помогают понять материал (code glosses).

Вторая категория помогает лучше вовлечь читателя в само содержание текста и состоит из средств, которые:

- смягчают высказывания (hedges);
- подчеркивают уверенность автора (boosters);
- выражают мнение автора о выбранной теме (attitude markers);
- служат построению отношений с читателем (engagement markers);
- ссылают на автора или группу авторов (self-mentions).

Данные элементы помогают автору правильно оформить текст, благодаря чему чтение становится похоже на диалог, вследствие этого, читатель легче поддается убеждению. В конечном итоге обе категории метадискурса служат целям убеждения, однако каждая использует свою стратегию для повышения убедительности текста.

В современных публицистических текстах на английском языке наблюдается частое использование элементов метадискурса в качестве языковых средств убеждения. Ярким примером тому является статья Боба Спайерса, доцента кафедры образования Ричмондского университета, под заголовком “How other countries reopened schools during the pandemic – and what the US can learn from them” [6]: *As American school officials debate when it will be safe for schoolchildren to return to classrooms, looking abroad may offer insights; ...officials in Stockholm have admitted they don't know how the disease may have affected teachers, parents and other adults in schools.* В приведенных примерах модальный глагол «may» выступает в функции элемента метадискурса, который «смягчает» высказывания (hedges). Его использование демонстрируют неуверенность автора и открытость для альтернативных мнений со стороны читателя.

Рассмотрим еще примеры из журнальной статьи Боба Спайерса: *A survey from Save the Children found that Japanese school children wanted more clear and detailed information about the virus and the outbreaks; Analysts credit Uruguay's well-organized and efficient public health system and Uruguayans' strong faith in government...* Здесь подчеркнутые элементы метадискурса выполняют функцию усилителей (boosters), так как они помогают исключить альтернативные мнения и показать высокую степень уверенности, которая основывается на

фактах или исследованиях. Таким образом, читателю становится легче довериться автору и принять его точку зрения, что усиливают убедительность анализируемой журнальной статьи.

Использование местоимения 1 лица единственного числа, “I”, является средством ссылки на автора публицистического текста (self-mentions). В качестве средства убеждения оно используется нечасто, так как журнальные статьи, как правило, основываются не только на мнении автора, но и на фактах (особенно когда статья имеет новостной характер): *I am a scholar of comparative international education; Here's what I found.*

Аналогичным образом можно наблюдать использование элементов метадискурса в статье Софи Обри, редактора популярной австралийской газеты “The Sydney Morning Herald”, под названием “What happens to your body and mind when you reduce your drinking” [2]: *After you get some of the benefits and it becomes the new normal, you can forget how much weight you had on or how sluggish you felt; ...if you can manage to get through that period you'll feel a lot better and you'll start feeling the other effects.* В данных примерах Софи Обри в большом количестве использует местоимение “you” в качестве маркера метадискурса, который служит построению отношений с читателем (engagement markers). Часто обращаясь к нам, автор данной статьи ведет диалог, в котором пытается убедить аудиторию принять ее позицию.

В следующих примерах союзы “but” и “and” выступают как маркеры метадискурса, выражающие семантическую связь между главными предложениями (transitions): *But because alcohol releases a lot more dopamine and serotonin than usual...; And, of course, the more you reduce, the greater the below effects will be.*

В следующих случаях подчеркнутые лексические единицы являются средствами, которые ссылаются на информацию из других работ (evidentials). Использование данных средств обусловлено тем, что информация, взятая из авторитетных источников, является наиболее убедительной: *According to the 2019 National Drug Strategy Household Survey...; Conigrave says that reducing is not an option for people with an alcohol addiction...*

В следующих примерах выделенные слова относятся к маркерам метадискурса, которые организуют сам текст, его структуру и последовательность (frame markers): *At first, it's not always pleasant to cut down on alcohol; Then, over the next month, your immune system can improve, meaning you shouldn't be getting ill as often; ...a number of bodily functions including physical arousal, for example testosterone; ...know people who take part in the month-long campaigns that come around each year – like Dry July and Sober October.*

Таким образом, маркеры метадискурса не только помогают правильно оформить текст, но и способствуют общению автора с читателем и подсказывают, что последний

должен чувствовать в определенной ситуации, описанной в тексте. Если маркеры метадискурса используются правильно, автор может установить доверительные отношения с читателем текста и убедить его в своей точке зрения.

Помимо маркеров метадискурса к средствам убеждения также относят различные тропы и фигуры речи. А именно, метафору, которая означает перенос смысла на основе сходства или связи двух объектов, и сравнение, т.е. уподобление одного предмета или явления другому по общему для них признаку. Используя данные средства, автор текста способен выстроить определенную картину мира в сознании реципиента и убедить его в чем-либо. Антитеза, в свою очередь, тоже используется в «убеждающем» письме. В публицистических текстах противопоставление создает резкий контраст, который помогает читателю мыслить в определенном направлении.

В частности, Виктория Корн в своей статье “Why is the NHS listening to the siren voices of the vape manufacturers?” использует метафору, называя электронные сигареты повязкой на глаза, которая лишь скрывают проблему никотиновой зависимости, но не решает ее: *They act as blindfolds, masking you from the truth that will set you free* [4].

Аналогичным образом Софи Обри в статье “What happens to your body and mind when you reduce your drinking” обратилась к такому средству выразительности, как метафора. В приведенном далее предложении, чтобы лучше описать работу важного человеческого органа, автор называет его сумочкой на шнурке: *At the top of our stomachs is a sphincter that acts like a “drawstring purse”* [2].

Кроме того, Софи использовала сравнение в своей статье, чтобы в очередной раз подчеркнуть вред алкоголя, что является целью ее работы: *...particularly with something as powerful as alcohol is to our brains* [2].

Сравнение также встречается в газетной статье британского публициста и лектора Кингстонского университета, Ричарда Козна “The mother country teaches Republicans a lesson” [3]: *Why can't an American be more like a Brit? If so, where are the Republicans who, like their British cousins, have the pride and guts...* В данном примере сравнение используется, чтобы натолкнуть читателя на определенную мысль или поведение. Через данный троп автор преподносит нам свою точку зрения, пытаясь убедить в ее правильности.

В следующем предложении подчеркнутая фраза является антитезой. Противопоставление в этом случае имеет конкретизирующую функцию, делая предложение более выразительным и, поэтому, более убедительным, вызывающим доверие: *Much would have been different, some things for the better and some for the worse, but at this moment, we'd have politicians willing to resign over matters of principle* [3].

Чтобы сократить дистанцию с читателем, завоевать его доверие, авторы публицистических работ также обращаются к следующим речевым средствам убеждения: императивам и риторическим вопросам.

Так, императивные восклицательные предложения являются отличным примером прямого убеждающего воздействия на читателя:

You don't need any of this bollocks!

Stopping smoking is freeing yourself from slavery, not cigarettes!

Don't waste time enslaving yourself to something else!

Just get on with your life already! [4]

Риторические вопросы наравне с императивными предложениями являются одним из способов «направления» мыслей читателя в правильное русло:

Where are Republicans with a similar revulsion regarding Trump?

Why have they allowed incessant lying to become the New Normal?

Isn't all of this un-American? [3]

Таким образом, суммируя всю полученную информацию о вышеупомянутых языковых элементах, которые были изучены в англоязычных публицистических текстах, мы можем с уверенностью заявить о наличии в английском языке разнообразных приемов, использование которых помогает сделать текст более убедительным. Отметим, что определенное средство может встретиться в тексте, как и с другими средствами убеждения, так и самостоятельно. Кроме того, языковые средства убеждения могут включать в себя не только отдельные слова и фразы, но и целые предложения. Для человека важно разбираться в различных формах использования языка с целью убеждения, так как язык давно стал его инструментом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Amiryousefi M. Metadiscourse: exploring interaction in writing [Электронный ресурс] // Elixir International Journal. – 2011. – Режим доступа: [https://www.elixirpublishers.com/articles/1350120089_40%20\(2011\)%205245-5250.pdf](https://www.elixirpublishers.com/articles/1350120089_40%20(2011)%205245-5250.pdf) (дата обращения 02.05.2021).
2. Aubrey S. What happens to your body and mind when you reduce your drinking? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smh.com.au/lifestyle/health-and-wellness/what-happens-to-your-body-and-mind-when-you-reduce-your-drinking-20201221-p56pbh.html> (дата обращения 03.05.2021).

3. Cohen R. The mother country teaches Republicans a lesson [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wctrib.com/opinion/4654458-Richard-Cohen-The-mother-country-teaches-Republicans-a-lesson> (дата обращения 04.05.2021).
4. Mitchell V. C. Why is the NHS listening to the siren voices of the vape manufacturers? – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/11/why-is-nhs-listening-to-siren-voices-of-vape-manufacturers> (дата обращения 03.05.2021).
5. Perloff Richard M. The Dynamics of Persuasion // Communication and Attitudes in the Twenty-First Century. – 2nd. edition. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – pp. 253–261.
6. Spires B. How other countries reopened schools during the pandemic – and what the US can learn from them [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/how-other-countries-reopened-schools-during-the-pandemic-and-what-the-us-can-learn-from-them-142706> (дата обращения 02.05.2021).
7. Williams Joseph M. Style: toward clarity and grace // Chicago guides to writing, editing, and publishing. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990. – pp. 156–170.

МЕЛЬНИКОВА Т. И., РЫЧКОВА С. А.
ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРНОГО СЛОГА
П. Б. ШЕЛЛИ И ЕГО ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме поэтического перевода. В этой связи проводится сравнительный анализ переводов стихотворения П. Б. Шелли «Философия любви» на русский язык с целью выявления особенностей переводческих приёмов передачи литературных образов оригинального поэтического текста в тексте перевода.

Ключевые слова: стихотворение, поэтический перевод, текст оригинала, текст перевода, средства выразительности, эквивалентность, прагматика.

MELNIKOVA T. I., RYCHKOVA S. A.
FEATURES OF PERCY BYSSHE SHELLEY'S POETRY
AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract. This article considers the issues of poetic translation. In this connection a comparative analysis of Russian translations of P. B. Shelley's poem "Love's Philosophy" is carried out in order to reveal the features of translation techniques for original poetic images included in the translation.

Keywords: poem, translation of poetic text, original text, translation text, expressive means, equivalency, pragmatics.

Как известно, перевод поэтического текста является самым сложным видом перевода. До сих пор ведутся споры о том, стоит ли относить перевод поэзии к переводу художественной литературы или же следует выделить его в отдельную группу. Не существует уникальной формулы, алгоритма перевода поэтического текста. При осуществлении этого вида перевода переводчику приходится жертвовать большим количеством заложенных в текст оригинала смыслов, образов, лексических единиц. Чтобы понять основные принципы поэтического текста с английского языка на русский, следует рассмотреть и проанализировать переводы, выполненные разными переводчиками, в диахронии.

Несомненно, перевод поэзии имеет определённые особенности, отличающие его от перевода художественного текста. По мнению В. В. Сдобникова, все эти проблемы условно делятся на две группы, связанные с особенностями национального и авторского мышления и с особенностями формы стиха, обусловленными как структурой языка, так и традициями стихосложения у определённого народа [1]. К основным проблемам можно отнести возможность или невозможность достижения прагматической эквивалентности, то есть

сохранение в тексте перевода систему образов и ассоциаций, присущих оригинальному поэтическому тексту, и оказание на читателя перевода аналогичного воздействия, что и при чтении текста оригинала. Кроме того, перед переводчиком встаёт вопрос возможно ли сохранить поэтический размер и рифму подлинника и нужно ли это делать, какие формальные потери понесёт текст перевода, если переводчик будет стремиться в первую очередь достичь лексической и синтаксической эквивалентности.

Существует мнение, что поэтический перевод сложнее прозаического из-за трудностей, связанных с воссозданием формы стихотворения. Лексические соответствия словам исходного языка в языке перевода чаще всего не рифмуются. Кроме того, различия в фонетической структуре двух языков порой практически исключают его эквилинеарность, эквиметричность и эквирифмичность [2]. Опираясь на размышления А. А. Бабенко и А. С. Ахмадуллиной об особенностях перевода поэзии на французский язык, можно сделать вывод, что невозможно сохранить чередование мужской и женской рифмы при переводе поэзии на французский язык, потому что современному французскому языку присуще фиксированное ударение на последний слог, соответственно, только мужская рифма [3].

По словам Е. Г. Эткинда, поэзия выражает дух народа, его историческое и культурное развитие. Понять поэзию другого народа – значит понять национальный характер и эмоциональный мир другой культуры [4]. Отсюда следует иное препятствие для сохранения стихотворной формы оригинала – различие слоговой структуры и длины слов в разных языках мира. В результате этих различий в каждом языке складывается своя система стихосложения. Переводчик должен передать основной смысл и этическую систему автора, но иногда ему приходится ради этого пренебрегать лексическим составом и формой поэтического текста оригинала.

Исследователи Хорошева Е. А. и Савина Е. В. отмечают, что переводчики достигают эквивалентности, когда стремятся передать идиостиль поэта, авторскую систему образов, план содержания и различные виды информации, заложенные в тексте оригинала, благодаря употреблению различных типов переводческих соответствий (полное, синонимическое, гипогиперонимическое, дескриптивное, функциональное). Однако, особенности поэтического текста формирует основу для расхождений и неточностей при его переводе [5], кроме того, искажение информации может быть обусловлено асимметрией в отражении картин мира, поскольку явления иной культуры переводчики воспринимают через призму собственной [6].

Как считает С. Ф. Гончаренко, поэтический перевод должен быть «близнецом» оригинала и активно включаться в полнокровный литературный процесс на языке перевода [7]. Естественно, что во имя этой цели – сохранения того главного, ради чего и существует поэзия, то есть сохранения и воспроизведения самостоятельной поэтической ценности –

переводчик обязан жертвовать близостью в деталях второстепенных. Разумеется, для этого он должен быть, во-первых, отзывчивым поэтом, а во-вторых, – столь же чутким филологом. В деле стихотворного перевода словесная точность не только не является критерием достоинства, но напротив - в большинстве случаев она умерщвляет перевод как произведение искусства и потому решительно ему противопоказана. В разных языках одна и та же форма может иметь различное прагматическое значение, поэтому желание во что бы то ни стало воспроизвести все формальные особенности подлинника (стилистический буквализм) вредит адекватности восприятия (прагматической адекватности).

На синтаксическом уровне, по мнению Эвалда Озерса, мы сталкиваемся с определенными конструкциями, которые не присущи современной русской прозе. Сравнивая поэзию на русском и английском языках, он делает вывод, что рифма чаще встречается в русском языке, где флективность способствует наличию множества открытых слогов, а потому рифма более естественна для русского, чем для английского, соответственно, восприятие рифмы и размера английским или американским читателем может претерпевать некоторые изменения. Он считает, что двойная рифма, излюбленная русскими поэтами, для английского языка, в котором преобладают так называемые полурифмы, – излишество [8].

В этой связи мы хотели бы рассмотреть особенности перевода стихотворения Шелли «Философия любви» с английского на русский язык [9]. Как утверждают Л. В. Сидорченко, И. И. Бурова, и А. А. Аствацатуров, Шелли считал, что поэты могут в своих сочинениях передавать глубокую философскую мысль, переводить идею в образ, поэтому не разграничивал поэтов и философов. Он видит сходство поэзии и философии в том, что они преследуют моральные цели и достигает их при помощи чувства удовольствия. В этом смысле можно отнести Шелли к представителю романтической эпохи в литературе. Шелли считал, что в поэзии больше философии, чем в истории, ибо задачей поэзии является поиск «вечной истины», «внутренней правды» вещей, «скрытой красоты» мира, воссоздание не только хода событий, но и понимание их духа, тогда как история стремится дать лишь простой перечень фактов и дат [10].

Стихотворение разделено на две восьмистрочные строфы с рифмованной схемой А-В-А-В-С-D-С-D. Размер стихотворения смешанный: мы можем пронаблюдать чередование ямба и хорея. В стихотворении представлены женская и мужская рифма. Основные образы, заложенные автором: Ocean (Океан), Heaven (Небеса), fountains (фонтаны), sister-flower (цветы), sunlight (солнечный свет), moonbeams (лунный свет). Как мы видим, для познания сущности любви Перси Шелли обращается к описанию природы, естественных процессов, утверждает, что биологические процессы можно сравнить с романтическими отношениями двух людей. Автор использует тропы: эпитет (“sweet emotion”, “sweet work”); олицетворение

(“the mountains kiss high Heaven”, “No sister-flower would be forgiven / If it disdained its brother”), метафору (“the moonbeams kiss the sea”). Кроме того, он использует фигуры речи: риторический вопрос (“Why not I with thine?”, “What is all this sweet work worth / If thou kiss not me?”), анафору (“And the sunlight clasps the earth / And the moonbeams kiss the sea”).

Проанализируем перевод Алева Ибрагимова, переводчика XX века, известного знатока тамильского языка [11]. Перевод «Философии любви» на русский язык он опубликовал в 1975 году. Переводчик сохранил риторические вопросы («Почему же ты не со мною?», «Но на что мне, скажите, все это, / Если ты со мною в разладе?»), использовал рифмованную схему А-В-А-В-С-D-С-D аналогичную тексту оригинала, оставил смешанный размер стихотворения. Использовал следующие средства выразительности: метафора, олицетворение («Ветры сплелись навеки / В ласках, полных любовью», «Небо целует горы»), инверсию («Волею неземною / Сливаются все друг с другом», «Отвергнутые – шлют укоры/Розам кичливым их братья»). А. Ибрагимов передал главный смысл в строчках «Волею неземною / Сливаются все друг с другом, / -Почему же ты не со мною?».

Далее рассмотрим отрывок из перевода стихотворения «Философии любви», выполненного Константином Бальмонтом в 1819 году:

*Ручьи сливаются с Рекою,
Река стремится в Океан;
Несется ветер над Землею,
К нему ласкается Туман.
Все существа, как в дружбе тесной,
В союз любви заключены.
О, почему ж, мой друг прелестный,
С тобой мы слиться не должны? [12]*

В данном случае представлен другой рисунок текста, особое расположение строчек. Основные образы (Река, Ручьи, Туман, Земля, Небо) написаны с большой буквы, переводчик словно оживляет их, превращает в главных персонажей. Он сохранил рифмованную схему А-В-А-В-С-D-С-D. В переводе К. Бальмонта чередуется мужская и женская рифма, что не созвучно с оригиналом, в оригинале в первой строфе автор преимущественно использует женскую рифму (за исключением шестой и восьмой строк), в последних четырёх строках – мужскую.

Весь стих написан стихотворным размером ямб. Благодаря этому стих звучит привычно для русскоязычного читателя, но мы можем заметить слишком бодрое, живое звучание, которое сложно сопоставить с философскими размышлениями о безответной любви. Переводчик сохранил риторические вопросы («О, почему ж, мой друг прелестный, / С тобой

мы слиться не должны?», «Но что мне эти поцелуи, / Коль не целуешь ты меня?»). Строчка «Целует Ночь - морские струи» свидетельствует о сохранении метафоры и олицетворения. К. Бальмонт использует сравнение («Цветы, склоняя нежно взоры, / Как брат к сестре, друг к другу льнут, / Все существа, как в дружбе тесной»), синтаксический параллелизм («Ручьи сливаются с Рекою, / Река стремится в Океан»). Переводчик отказывается от дословного перевода всех лексических единиц и использует при переводе схожие образы. Например, «Тумана» в оригинале нет, строчка «Волны не бегут к берегу» также отсутствует. Однако, что самое важное, эквивалентность достигнута на прагматическом уровне.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что оба перевода на русский язык можно назвать адекватными. Переводчикам удалось сохранить образность и смыслы, заложенные поэтом в английском стихотворении, а также оказать на русскоязычных читателей аналогичное эстетическое воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 421 с.
2. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отв. ред. Раренко М. Б. – М., 2010. – 260 с.
3. Бабенко А. А., Ахмадулина А. С. Особенности перевода поэзии на французский язык на примере стихотворения Б. Пастернака «Февраль» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-poezii-na-frantsuzskiy-yazyk-na-primere-stihotvoreniya-b-pasternaka-fevral/viewer> (дата обращения 24.03.2021).
4. Эткинд Е. Поэзия и перевод. – М.-Л.: Сов. писатель, 1963. – 172 с.
5. Хорошева Е. А., Савина Е. В. Особенности передачи русскоязычного песенного дискурса во французской культуре // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3 (34). – С. 256–268.
6. Полетаева Е. Д. Способы передачи межъязыковой асимметрии при переводе текстов английской художественной литературы XVIII века // Перевод в меняющемся мире. Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Азбуковник, 2015. – С. 75–81.
7. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (дата обращения 02.04.2021).
8. Озерс Э. Некоторые проблемы перевода русской поэзии на английский язык (пер. Д. Кузнецовой) // Небольшая статья о проблемах перевода русской поэзии на

- английский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kalaus.livejournal.com/10196.html> (дата обращения 02.04.2021).
9. Percy Bysshe Shelley – Love's Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poetryfoundation.org/poems/50262/loves-philosophy> (дата обращения 02.04.2021).
10. История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Л. В. Сидорченко, И. И. Бурова, А. А. Аствацатуров и др. – СПб: СПбГУ, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/sidorchenko-xix-vek-angliya.htm> (дата обращения 10.04.2021).
11. Перевод Алева Ибрагимова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sv-scena.ru/Buki/Poeziya-angliyiskogo-romantizma-XIX-vyeka.801.html> (дата обращения 15.04.2021).
12. Перевод Константина Бальмонта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/shelli/stihi/stih-67.htm> (дата обращения 15.04.2021).

ВЕДЯШКИНА А. В., ШИКИНА Т. С.
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУДЕБНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье представлены характеристики деятельности судебных переводчиков в ряде зарубежных стран. Рассматриваются профессиональные требования, предъявляемые к переводчикам, описывается процесс их аккредитации, а также раскрываются задачи, которые стоят перед переводчиком. В результате сравнительного анализа выведены универсальные профессиональные требования к судебным переводчикам.

Ключевые слова: судебный переводчик, присяжный переводчик, право, аккредитация, судебный процесс, законодательство, квалификация, профессионал, экзамен, юридический перевод.

VEDYASHKINA A. V., SHIKINA T. S.
COURT INTERPRETERS IN FOREIGN COUNTRIES:
A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article focuses on the functions of court interpreters in foreign countries. The professional requirements to interpreters and translators are considered. The process of their accreditation and their responsibilities are described. As a result of the comparative analysis, universal professional requirements to court translators are revealed.

Keywords: court interpreter, sworn translator, law, accreditation, trial, legislation, qualification, professional, exam, legal translation.

Профессия «судебный переводчик» появилась в России сравнительно недавно, в отличие от многих стран мира. В 2015 году члены Союза переводчиков России, Вадим Витальевич Сдобников, Александр Александрович Ларин и Людмила Борисовна Обидина, разработали фундаментальный проект «Положения о судебном переводе», который был принят профессиональным сообществом во время VIII Летней школы перевода Союза переводчиков России. Главной идеей документа является создание единой базы, которая включает полную информацию о представителях, успешно прошедших тестирование и сдавших квалификационный экзамен, тем самым доказавших свои высокие переводческие навыки. Авторы проекта детально описали порядок вызова переводчика в уголовном процессе, приостановки и прекращения деятельности переводчика в суде, а также изложили права и обязанности переводчика. Представители, которые благополучно сдали итоговый экзамен и принесли присягу, получают квалификацию судебного переводчика [2, с. 144].

Как известно, перевод предполагает осуществление диалогового взаимодействия, а переводчик является участником этого сложного процесса межкультурной коммуникации, который должен рассматриваться в тесной связи с целями, ради которых он предпринимается. Целеполагание является необходимым условием выбора направления подготовки судебных переводчиков. Узконаправленная деятельность переводчиков в сфере обеспечения профессионального перевода юридических текстов тесно связана с процессом принятия решений, так как конкретная цель становится основой выбора оптимальной переводческой стратегии и обозначает дальнейший спектр используемых приемов перевода [5, с. 17].

Профессиональные знания, навыки и умения, требуемые от судебных переводчиков очень сложны. Общение в зале суда может быть более сложным, чем в других условиях или в повседневной жизни. Например, вовлеченные стороны могут использовать специализированную и юридическую терминологию, формальные и неофициальные регистры, диалект и жаргон, разновидности языка и нюансы значения.

В большинстве случаев сертификации судебных переводчиков осуществляется с помощью письменных и устных экзаменов на знание языка. Рассмотрим правила деятельности судебных переводчиков и процесс получения ими квалификации в зарубежных странах [3, с. 560].

Именно в Германии впервые зародился термин «присяжный переводчик» около 60 лет назад. Однако, несмотря на длительную историю перевода в уголовном процессе, в Германии так и не приняли закон, регулирующий работу присяжных переводчиков на федеральном уровне [1, с. 92].

Сдача квалификационного экзамена в Канаде для судебных переводчиков – кропотливый труд. Ввиду этого в Торонто, крупнейшем городе страны с населением около 3 миллионов человек, всего лишь 73 переводчика имеют сертификат. Тем не менее, переводчиков филиппинского, турецкого, пенджабского, корейского и африканских языков там нет, и их вызывают из других городов. В Канаде судебный перевод регулируется на региональном уровне, а не на федеральном. Следовательно, в десяти канадских провинциях правовые требования к переводчикам могут различаться.

В Соединенных Штатах Америки законодательство по отношению к деятельности переводчиков не такое строгое, как в зарубежных странах: здесь только знатоки испанского, гаитянского и языка навахо обладают подтвержденными сертификатами. Что касается других языков, суд вызывает переводчиков из обычных агентств. Для получения квалификации кандидаты на звание судебных переводчиков обязаны сдать Федеральный

сертификационный экзамен. После успешного прохождения тестирования данные о судебном переводчике вносятся в единый реестр.

В Австралии сведения о сертифицированных переводчиках включены в базу данных Австралийского института письменных и устных переводчиков, а также в единый реестр Национального офиса по аккредитации переводчиков. В законодательстве определены два уровня квалификации переводчика: профессиональный и парапрофессиональный. В случае если переводчик имеет парапрофессиональный уровень аккредитации, то он вправе выполнять письменный перевод неспециальных и нетехнических текстов и устный перевод на общие темы. Профессиональный уровень, в свою очередь, делится еще на три подуровня:

- 1) минимальный уровень профессиональной компетенции дает право выполнять перевод неофициального общения специалистов в различных профессиональных сферах.
- 2) средний уровень профессиональной компетенции включает в себя обеспечение официального общения специалистов в различных профессиональных сферах, например во время переговоров, конференций или судебных заседаний.
- 3) высшим уровнем профессиональной компетенции обладают лучшие специалисты с богатым опытом переводческой деятельности, которые способны организовывать и проводить консультации.

Отсюда следует, что переводчик должен обладать средним или высшим уровнем профессиональной компетенции, чтобы компетентно и качественно выполнять свою работу во время судебного процесса.

В Эстонии институт присяжных переводчиков был внедрен 18 лет назад, в 2003 году. Кандидаты на звание присяжных переводчиков, обязаны сдать государственный экзамен, утвержденный и проводимый Министерством юстиции Эстонии. Экзамен состоит из двух частей: сначала оцениваются профессиональные навыки и сноровка переводчика в сфере юридического перевода, а затем проводится письменное тестирование на знание юриспруденции и система права Европейского союза. При условии, что кандидат успешно проходит испытания, то он приносит присягу, получает собственную официальную печать и обязуется открыть свое бюро переводов в течение четырех месяцев. Примечательно, что в Эстонии, присяжные переводчики выполняют функции, как переводчика, так и нотариуса. Такая система была введена для повышения качества юридических переводов, так как, в большинстве случаев, нотариус, заверяя документ перевода, не имеет возможности вникнуть в его содержание и детали из-за незнания иностранного языка. Присяжный переводчик призван отвечать именно за качество перевода.

В Сербии перевод в судебном процессе осуществляют присяжные (судебных) переводчики и их деятельность контролируется определенным регламентом, утвержденным Министерством юстиции, но пока специальное законодательство не принято. Для присуждения кандидату квалификации судебного переводчика проводится конкурс. После успешного прохождения отбора квалифицированный специалист получает профессиональную лицензию. В Сербии на переводимых документах ставится особая печать с надписью «Подтверждаю, что настоящий перевод полностью соответствует оригиналу». Сербские судебные переводчики являются внештатными сотрудниками, и зачастую судебный перевод не является их основной деятельностью.

В Испании Министерство иностранных дел контролирует процесс приобретения статуса судебного переводчика и проводит квалификационные экзамены. По закону переводчик должен принести присягу в достоверности и адекватности перевода в зале суда перед началом заседания, как это происходит и во многих других странах мира.

В Аргентине перевод официальных документов должен быть выполнен только публичным переводчиком. За незаконное присвоение звания публичного переводчика установлен штраф от 500 до 5 000 песо.

В Бельгии деятельность института судебных переводчиков регулируется некоммерческой профессиональной ассоциацией Бельгийской Палатой филологов, письменных и устных переводчиков. Палата является членом Международной федерации переводчиков Бельгийская палата переводчиков. Главной целью для участников Бельгийской палаты является важность качества и осознание ответственности переводчиками. Для членства в данной организации, кандидат обязан иметь лингвистическое высшее образование, стаж работы по своей специальности (не менее 4-х лет) и успешно сдать вступительный экзамен.

В Австрии присяжный переводчик – многоуважаемый член Австрийской ассоциации присяжных и судебных переводчиков. Австрийский уголовно-процессуальный кодекс был введен в 1803 году, и он обеспечивает обязательное предоставление переводческих услуг участникам процесса, говорящим на других языках. Вступительный экзамен для кандидатов проводится в столице Австрии, Вене. Нелегальное присвоение статуса присяжного переводчика наказывается штрафом в 10 000 евро. В Австрии наблюдается нехватка некоторых специалистов в сфере перевода, к примеру, во всей стране только один переводчик грузинского языка.

Согласно французскому действующему законодательству, присяжные переводчики имеют статус судебных экспертов. В отличие от порядка в Российской Федерации, перевод,

выполненный судебным переводчиком во Франции, не требует заверения нотариуса. Кассационный суд обладает единым государственным реестром, в который входят примерно 4 500 присяжных переводчиков. В реестре содержатся сведения о квалификации и стаже каждого специалиста. Судебный переводчик имеет право выполнять перевод по государственным (по запросу органов власти) и по частным запросам.

Из проведенного сравнительного анализа правовых систем разных стран, мы видим, что существуют определенные различия в способах аккредитации присяжных/судебных переводчиков. Однако, все-таки возможно выделить следующие общие требования, предъявляемые к кандидатам:

1. Гражданство страны, в которой присваивается квалификация;
2. Совершеннолетие;
3. Отсутствие судимости;
4. Подтверждение финансовой состоятельности — отсутствие банкротства или признаков неплатежеспособности (только в Австрии);
5. Диплом о высшем лингвистическом/переводческом образовании;
6. Достаточный опыт работы;
7. Сертификат о прохождении программы профессиональной ориентации с обязательной стажировкой в суде (только в США);
8. Предоставление медицинской справки о состоянии здоровья (только в Сербии);
9. Успешная сдача итогового квалификационного экзамена.

В заключение отметим, что юридический перевод является одним из наиболее востребованных видов перевода на данный момент, постоянно растет спрос на услуги переводчиков, специализирующихся именно в этой области. Правовая лингвистика — относительно новая, еще недостаточно развитая наука, поэтому специфика юридического перевода не освещена недостаточно в литературе и требует более глубокого анализа и серьезных исследований [4, с. 259]. Таким образом, можно сделать вывод, что имеющийся мировой опыт по сертификации присяжных переводчиков может сыграть ключевую роль при разработке требований для контроля качества деятельности переводчиков в судах Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винников А. В. О мировых закономерностях полицейского и судебного перевода. Техника и специфика юридического перевода // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 1. — С. 89-103.

2. Ларин А. А., Обидина Л. Б. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 143–147.
3. Обидина Л. Б. Культура судебного перевода: проблемы практики // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 557–563.
4. Швец С. В. Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях использования перевода. – М: Юрлитинформ, 2016. – 264 с.
5. Шикина, Т. С. Диалог как категория социальной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2012. – 26 с.
6. Шикина Т. С. Диалог и принятие решения как интеллектуальная операция // Философия здравого смысла. Критика оснований разума. Сер. «Здравый смысл в основаниях принятия решений в общественной практике». – М., 2015. – С. 40–55.

КЕЛАРЕВА Е. В.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ РУССКОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В данной статье автор делает попытку выявить те аспекты китайского языка, которые вызывают у русскоговорящих студентов наибольшее затруднение. Материалом исследования являются результаты анкетирования студентов, изучающих китайский язык, а также систем рассматриваемых языков в целом. В результате исследования были определены две наиболее проблемные области в изучении китайского языка русскоговорящими студентами.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, фонетика, грамматика, лингвистическая трудность.

KELAREVA E. V.

**CHINESE LEARNING DIFFICULTIES
FOR RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS**

Abstract. The article aims to identify the aspects of the Chinese language that cause the major difficulties for Russian-speaking students. The study is based on the results of a survey carried out among students studying Chinese as a minor. Special attention is paid to the explanation of the causes why certain difficulties appear. As a result, two most problematic areas in the studying of Chinese by Russian-speaking students are identified.

Key words: Chinese, Russian, phonetics, grammar, language-learning difficulty.

В последние годы влияние Китая на международной арене становится всё более значительным. Логично, что вместе с тем, как расширяется внешнеполитическая активность Китая и укрепляются его связи с крупными соседствующими государствами, такими как Россия, стремительно возрастает и популярность китайского языка. На данный момент, среди изучающих иностранные языки китайский язык становится на один уровень с такими распространенными языками как английский и испанский. Так, по некоторым данным, в настоящее время более 30 млн. иностранцев изучают китайский, он преподается в 2500 зарубежных вузах и десятках тысяч школ [1]. В этой связи становится актуальным вопрос об эффективном преподавании китайского языка. Целью данной статьи является выявление основных трудностей, возникающих у русскоговорящих студентов при изучении китайского языка.

В целях получения объективной картины преподавания китайского языка русскоговорящим студентам нами было проведено анкетирование и осуществлен его

последующий анализ. В рамках данного исследования было опрошено две группы студентов, параллельно изучающих английский и китайский языки. В первой группе обучаются студенты, имеющие начальный уровень владения китайским языком. Также стоит отметить, что студенты данной группы имеют опыт обучения лишь с преподавателем-носителем китайского языка, не говорящим по-русски (китайский язык изучается ими посредством английского языка). Вторая группа включает в себя студентов со средним уровнем владения китайским языком. Данная группа, в отличие от первой группы, обучалась не только преподавателем-носителем китайского языка, не говорящим по-русски, но и работала с преподавателем-носителем китайского языка, владеющим русским, а также с российским преподавателем. Общее число респондентов обеих групп составило 23 человека. В ходе анализа результатов данного анкетирования нами были выявлены две основные области лингвистических трудностей, с которыми сталкиваются русскоговорящие студенты при изучении китайского языка – устная речь (в частности, фонетика) и грамматика.

Рассмотрим более подробно трудности в области фонетики, возникающие у русскоговорящих студентов при изучении китайского языка. Главной фонетической особенностью китайского языка является его система тонов. Под тоном следует понимать мелодический рисунок голоса, для которого характерно изменение высоты звука [3]. Тональная система китайского языка включает в себя 4 основных и 1 нейтральный тоны. Важность тональной системы заключается тем, что тоны выполняют смыслоразличительную функцию в китайской устной речи. Так, в зависимости от того, каким из пяти тонов говорящий произносит слово, становится понятен смысл высказывания: одно и то же слово, произнесенное разным тоном, может иметь разное значение. Например, китайское слово *mai*, произнесенное с третьим тоном, означает «покупать», но если произнести его с четвертым тоном, то оно будет иметь значение «продавать». Для русскоговорящих студентов данная особенность китайского языка сложна тем, что тональность не имеет подобной функции в фонетической системе русского языка. Более того, тоны влияют и на ритмичность речи: в китайском языке каждый слог в слове четко проговаривается, в то время как в русском языке ударение падает лишь на один слог. Несомненно, подобная особенность китайского языка должна вызывать трудности у русскоговорящих обучающихся в процессе овладения навыками устной речи. Данное мнение находит подтверждение и в работе преподавателя Ляонинского педагогического университета (г. Далянь, Китай), С. Сюй: «Ритмические слова китайского и русского языков имеют отличительные особенности произношения, русские студенты зачастую переносят правила произношения с русского языка на китайский» [4].

Другая особенность фонетики китайского языка заключается в большом количестве омофонов. Данная особенность связана с тем, что в силу наличия тонов, в китайском языке

используется достаточно ограниченный набор звуковых сочетаний. В отличие от китайского, в русском языке явление омонимии не распространено столь сильно, так как русский язык обладает большим разнообразием звуковых и буквенных сочетаний для создания слов.

Принимая во внимание отличительные особенности фонетического строя китайского языка, описанные выше, в рамках нашего анкетирования мы составили ряд вопросов, направленных на выявление трудностей в области фонетики. Так, обучающимся было предложено выбрать, произнесение какого из пяти тонов является для них наиболее затруднительным при воспроизведении как отдельных слов, так и более крупных лексических единиц. Половина респондентов ответили, что наиболее сложным для воспроизведения является второй тон, восходящий со средней высоты голоса до высокого регистра (рис. 1).

Рис. 1. Наиболее сложный в произнесении тон китайского языка для русскоговорящих обучающихся.

Возможно, русскоговорящим обучающимся сложно воспроизводить этот тон в утвердительных предложениях в силу того, что второй тон китайского языка практически идентичен вопросительной интонации русского языка. Вторым по сложности артикуляции является третий, восходяще-нисходящий тон, что было отмечено 40% опрошенных. Остальные студенты указали четвертый, нисходящий тон, как наиболее затруднительный. Таким образом, первый и нулевой тона можно считать наиболее легкими для русскоговорящих обучающихся, что может быть обусловлено тем, что первый тон является ровным (т.е. не требующим модуляций голоса), а нулевой тон – редуцированным (т.е. нейтральным). Соответственно, для правильной артикуляции данных тонов говорящему не приходится прилагать особых усилий. Однако мы склонны считать, что русскоговорящие обучающиеся в той или иной мере испытывают трудности с произнесением всех тонов китайского языка. Это обусловлено тем, что в русском языке ударение ставится лишь на один слог в слове, в то время как в китайских словах необходимо расставлять правильную интонацию на каждую часть слова.

Более того, мы установили, что тона вызывают затруднения не только при произношении, но и при распознавании тонов в потоке речи (например, при аудировании). Опрашиваемым студентам был задан вопрос о том, задания какого раздела (аудирование, говорение, чтение, письмо, лексика и грамматика) вызывают у них наибольшую трудность. Большинство признали задания на аудирование самыми сложными для выполнения (рис. 2), а в вопросе «С заданиями какого раздела Вы справляетесь успешнее всего?» ни один респондент не выбрал вариант «аудирование» (рис. 3).

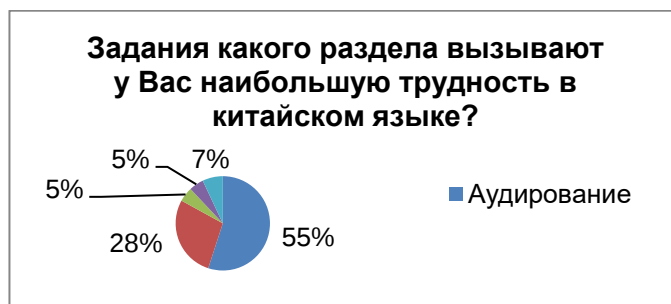

Рис. 2. Тип задания, вызывающий наибольшую трудность у русскоязычных студентов при изучении китайского языка.

Рис. 3. Тип задания, с которым русскоязычные обучающиеся справляются успешнее всего при изучении китайского языка.

Кроме того, мы обнаружили, что при выполнении заданий на аудирование 40% находят сложным различение любых тонов в потоке речи, 35% затрудняются в различении лишь тонов, быстро произносимых и не сильно акцентируемых в потоке речи. Таким образом, распознавание тонов в потоке речи в той или иной степени является проблемной областью подавляющего числа обучающихся. Говоря ранее об особенностях фонетической системы китайского языка, мы также упомянули о наличии в нем большого количества омофонов, что, на первый взгляд, способно затруднять понимание речи на слух. Однако в ходе анкетирования выяснилось, что лишь 15% опрашиваемых признали омофоны трудными для различения при аудировании (рис. 4).

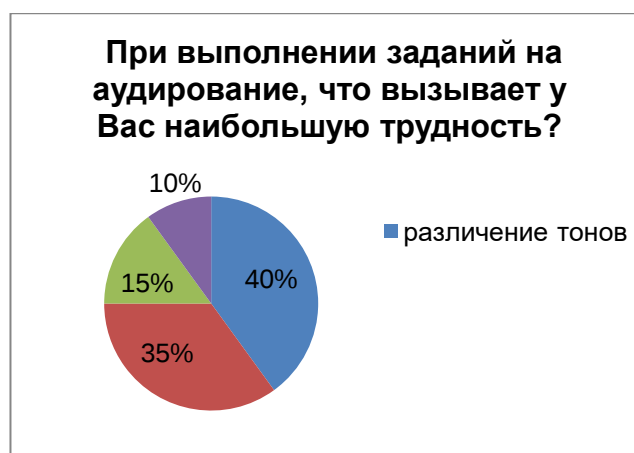

Рис. 4. Трудности русскоговорящих обучающихся при выполнении заданий на аудирование китайского языка.

Более того, 62% опрошиваемых ответили, что наличие омофонов в китайском языке никак не влияет на процесс его изучения (рис. 5). Мы предполагаем, что подобные результаты связаны с тем, что, несмотря на одинаковое звучание, омофоны легко различимы в потоке речи по контексту и фразеологическому сочетанию, в котором то или иное слово употребляются чаще всего. Кроме того, в большинстве случаев омофонами являются слова разных частей речи или слова одной части речи, но несхожие по смыслу, что облегчает обучающимся задачу при распознавании данных слов в потоке речи.

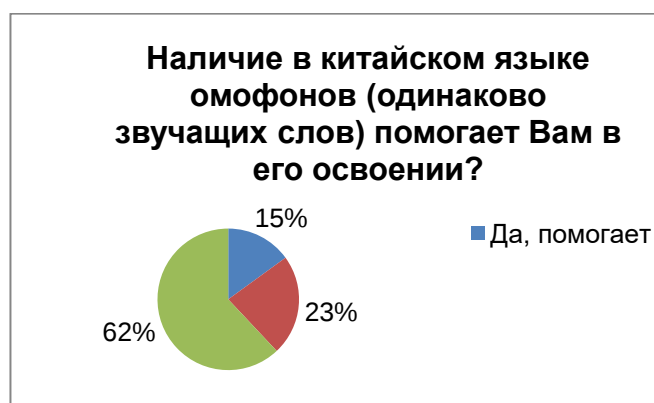

Рис. 5. Отношение русскоговорящих обучающихся к омофонам китайского языка (в контексте аудирования).

Другая значительная трудность фонетики китайского языка относится к его системе согласных и гласных фонем. Так, в китайском языке присутствуют звуки, в той или иной степени отличные по артикуляции от звуков русского языка. Например, для согласных фонем китайского языка не свойственны такие характеристики как звонкость-глухость или твердость-мягкость. Однако фонемам китайского языка присущи другие особенности артикуляции – аспирация, отсутствующая в русском языке, и более сильная, чем в русском

языке, напряженность речевого аппарата. В этой связи нами были выявлены самые затруднительные для произношения звуки китайского языка. Говоря о согласных звуках, наиболее трудными большинство респондентов считают пары звуков «q» – «j» (55%) и «b» – «p», сложность произнесения которых заключается в описанных выше артикуляторных особенностях, не свойственных русскому языку.

Мы полагаем, что сложность произнесения этих двух пар звуков для изучающих китайский язык в качестве иностранного обусловлена и внутриязыковой интерференцией. Звуки рассматриваемых пар согласных произносятся практически одинаково за исключением того, что каждому звуку в паре присуща разная степень аспирации и напряженности речевого аппарата. По этой причине русскоговорящие студенты нередко испытывают трудности в различии и, соответственно, правильном произнесении данных звуков. Однако при изучении китайского языка обучающиеся испытывают влияние не только внутриязыковой, но и межъязыковой интерференции. Как отмечает Л.В. Щерба при рассмотрении явления интерференции, в большинстве случаев родной язык влияет на изучение другого языка и приводит к появлению многочисленных ошибок [5]. Так, в китайском языке присутствуют звуки, схожие по звучанию с некоторыми звуками русского языка. Данное мнение подтверждается тем, что среди всех гласных звуков китайского языка респондентами были отмечены как наиболее трудные для произношения звуки «ü» (50%) и «e» (35%). Возможно, причина подобного выбора заключается именно в том, что в русском языке присутствуют звуки, отдаленно похожие по звучанию. Так, звук «ü» схож с русским звуком «ю», а звук «e» напоминает русский звук «ы». Однако оба китайских звука имеют некоторые особенности произнесения, которые сложно не только правильно произнести человеку-не носителю китайского языка, но и уловить в потоке речи.

Продолжая говорить о влиянии межъязыковой интерференции, следует отметить, что данное явление характерно и для области согласных звуков китайского языка. В этой связи нам следует вернуться к ответам на вопрос о наиболее труднопроизносимом согласном звуке китайского языка. В этом вопросе респонденты упоминали также и звук «g», напоминающий русский звук «ж». Кроме того, данную трудность для группы 1 можно обосновать и тем, что студенты этой группы имеют опыт работы лишь с преподавателем, не говорящим по-русски, поэтому, как отмечается несколькими респондентами группы 1 в вопросе «С каким из преподавателей, по Вашему мнению, эффективнее работать?», преподаватель, не знающий русский язык, не может объяснить особенность того или иного китайского звука в сравнении со звуками русского языка, что иногда является необходимым для освоения правильного произношения.

Второй областью трудностей, как упоминалось нами ранее, является грамматика китайского языка. Согласно полученным результатам, 50% опрошенных считают сложность строя китайского языка одним из главных причин возникновения трудностей при его изучении. В этой связи мы предположили, что грамматика китайского языка, наравне с его фонетическим строем, является проблемной областью для русскоговорящих студентов. Однако результаты анкетирования не так однозначны.

Так как обе группы опрошиваемых студентов изучают в качестве иностранного языка не только китайский, но и английский язык, ряд вопросов к ним был направлен на сравнение грамматического строя этих двух языков. В частности, мы анализировали трудности, связанные с системой времен и частями речи, которые отсутствуют в русском языке, – артикли и счетные слова.

Первая область сопоставления грамматики английского и китайского языков – артикли английского языка и счетные слова китайского языка. Данные части речи вызывают трудности у русскоговорящих обучающихся в силу того, что их аналоги отсутствуют в русском языке. Выяснилось, что артикли английского языка являются более сложными в понимании, чем счетные слова китайского языка, что было отмечено 65% опрошенных (рис. 6).

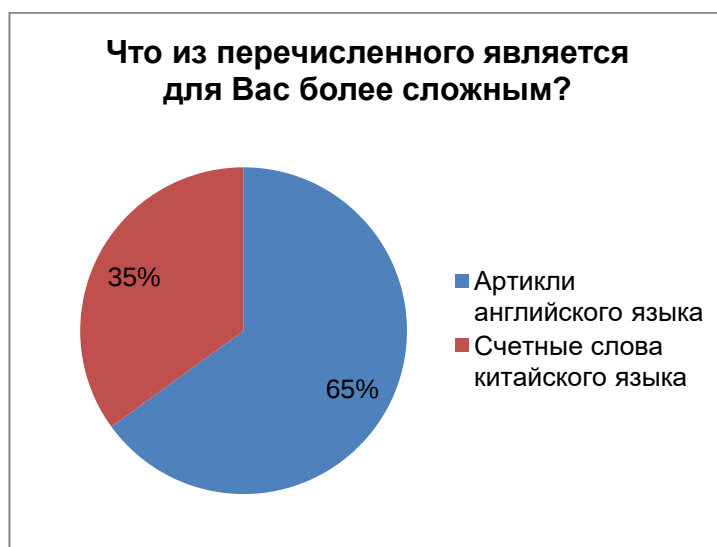

Рис. 6. Сравнение артиклей английского языка и счетных слов китайского языка русскоговорящими обучающимися.

Данный результат может быть обоснован рядом причин. Во-первых, выбор правильного счетного слова для того или иного существительного может осуществляться посредством логики: для всех существительных, объединенных каким-либо общим признаком, используется одно и то же счетное слово. Например, для всех парных предметов используется счетное для плоских предметов (лист бумаги, компакт-диск, фотография и т.д.)

– 张, для книг, словарей, тетрадей – 本 и т.д. Следовательно, можно выбрать счетное слово по аналогии. Во-вторых, в китайском языке счетное слово для каждого существительного фиксировано и неизменяемо, в то время как в английском языке слово может требовать как определенный, так и неопределенный артикль в зависимости от контекста. В-третьих, в китайском языке существует универсальное счетное слово 个, которое можно употребляться с любым существительным. Таким образом, даже не зная подходящего счетного слова для того или иного предмета, можно избежать грамматической ошибки, применив 个. В свою очередь, выбор подходящего артикля в английском языке не может основываться лишь на ассоциации с употреблением того же артикля с каким-либо другим словом в силу наличия большого количества правил и исключений из них, а также контекста.

Второй областью сопоставления грамматики английского и китайского языков является система времен. Говоря о сложности системы рассматриваемых языков, мы наблюдаем аналогичную картину: подавляющее большинство опрошенных считают систему времен английского языка сложнее системы времен китайского языка (рис. 7).

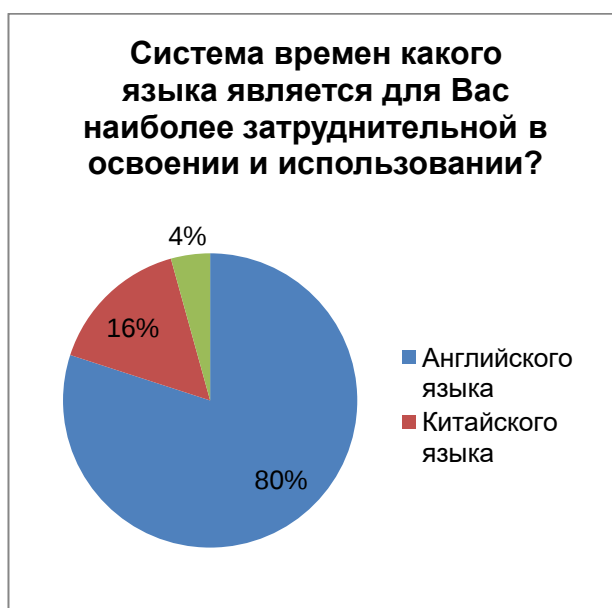

Рис. 7. Сравнение русскоговорящими обучающимися системы времен китайского языка с системой времен английского языка.

Мы полагаем, что данный результат объясняется тем, что система времен китайского языка доступнее и привычнее для русскоговорящих обучающихся, чем система времен английского языка. В китайском языке, как и в русском, используется три времени – прошедшее, настоящее и будущее. Изучение и использование времен китайского языка в речи облегчается и тем, что для выражения того или иного времени зачастую достаточно слова-

маркера времени (вчера, сегодня, завтра). Более того, данное мнение подтверждается тем, что 80% респондентов ответили, что им легко ориентироваться в системе времен китайского языка.

На основании вышеизложенных фактов мы можем сделать следующие выводы.

1. При изучении китайского языка русскоговорящими студентами, аспектом, который вызывает наибольшие затруднения, является фонетика. В частности, развитию навыков устной речи препятствуют сложность правильного произнесения тонов и их распознавание в потоке речи. В этой связи, чтобы избежать фонетических ошибок и предотвратить возможные трудности студентов, с самого начала обучения следует особое внимание уделить постановке произношения, делая акцент на различия в способе артикуляции звуков, частично совпадающих со звуками русского языка, а также звуков, полностью отсутствующих в русском языке. Более того, следует уделить достаточное количество времени разработке навыка правильного артикулирования тонов китайского языка. Таким образом, вводный курс фонетики является необходимым для последующего успешного развития навыка устной речи у обучающихся.

2. Несмотря на то, что опрашиваемые студенты отмечают сложность строя китайского языка как один из факторов, вызывающих трудности в процессе его изучения, грамматика китайского языка не вызывает у них сильных затруднений. Так, счетные слова китайского языка достаточно просты в освоении по причине того, что для каждого отдельного или для целой группы схожих по определенному признаку существительных существует фиксированное счетное слово. Кроме того, существует универсальное счетное слово, которое грамматически подходит для любого существительного. Что касается системы времен китайского языка, то она не вызывает особых затруднений в силу того, что в китайском языке, как и в русском, существует три времени – прошедшее, настоящее и будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биримкулова Г. У. К вопросу о некоторых трудностях в изучении китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/5_SWMN_2014/Philologia/5_158950.doc.htm (дата обращения 21.04.2021).
2. Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. – 142 с.

3. Сюй Л. Основные расхождения в системах русского и китайского языков, создающие трудности при изучении русского языка китайцами и китайского языка русскими // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 68–71.
4. Сюй С. Проблемы преподавания фонетики китайского языка русским студентам // Молодой ученый. – 2011. – № 12. – Т. 2. – С. 141–144.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

ЕДЕЛЕВА Е. Б.

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИК ОБУЧЕНИЯ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее актуальные принципы обучения английскому языку как иностранному, применяемые для обучения учащихся младшего школьного возраста. Автор приводит практические примеры реализации каждого принципа на уроках английского языка.

Ключевые слова: младший школьный возраст, начальная школа, иностранный язык, коммуникативная направленность, принцип обучения.

EDELEVA E. B.

PRACTICAL METHODS OF TEACHING ENGLISH IN PRIMARY SCHOOL

Abstract. The article presents an overview of most up-to-date and relevant principles of teaching English as a foreign language in primary schools. The author considers case studies illustrating each principle implemented at English language lessons.

Keywords: primary school age, primary school, foreign language, communication orientation, learning principle.

В качестве практических методик обучения английскому языку рассмотрим совокупность методических приемов и дидактических средств, с помощью которых на современном этапе развития методики школьного обучения данный процесс обучения реализуется. Дидактическое средство обучения – это некий инструмент, помогающий учителю достичь образовательных и воспитательных целей. Главное дидактическое назначение средств обучения сводится к тому, чтобы увеличить скорость освоения учебного материала в ходе учебной деятельности, т.е. приблизить учебный процесс к заявленным результатам [8, с. 51].

Все средства обучения подразделяются на материальные и идеальные. Материальные – это учебные пособия и другие дидактические материалы; идеальные средства – это методы и формы организации учебной деятельности. Обучение становится эффективным в том случае, если материальные и идеальные средства обучения взаимосвязаны и дополняют друг друга [2, с. 31].

Далее рассмотрим некоторые актуальные для младшего школьного возраста принципы обучения иностранным языкам, то есть те позиции, на которых обучение должно основываться при выборе средств и способов организации обучения. Следует начать с принципа коммуникативной направленности.

Принцип коммуникативной направленности играет большую роль при реализации цели обучения, которая определяется формированием умений общения на иностранном языке на начальном уровне с учетом речевых возможностей и интересов учащихся начальной школы в устной (аудирование и говорение) и письменной (чтение и письмо). Задания для начальной школы должны иметь коммуникативную направленность и включаться в учебные ситуации, схожие к реальным ситуациям общения учащихся младшего школьного возраста. Тем самым создавая возможность общения на различные темы, которые интересны учащимся.

Согласно методике обучения иностранному языку на раннем этапе в качестве основного мотивирующего приема используется проблемная история или некий сюжет. Это может быть сказка, задачка-лабиринт, квест. Рассмотрим несколько гипотетически возможных примеров.

Представим вымышленные названия, которые даются неким грамматическим явлениям или создаются намеренно в качестве вымышленных персонажей или явлений для изучения и наработки практического навыка их применения. Приведем в качестве примера опыт Л.Ю. Бекленищевой, Ханты-Мансийск, г. Белоярский, школа № 3. Для изучения грамматики педагог использует сказку, например, есть жители вымышленного острова Командиров, которые всегда приказывают. Приказы – это хорошая тренировка повелительного наклонения и формирования базы глаголов, с акцентом на использование артиклей. Есть некий остров Хвастунов, которые не могут не использовать с завышенной частотностью глагол «могу» (can) и выражения на основе этого глагола. Напротив острова Хвастунов представим, что расположен остров Неумеек, которые используют преимущественно отрицательную форму глагола «мочь» [9]. Приведенный пример – это всего лишь идея, но она и создает ориентировочную основу для формирования действия. Частотность действия создает основу исполнительской деятельности, что соответствует этапности формирования умственных действий, ведущей к автоматизации знаний.

В качестве второго примера рассмотрим фрагмент урока по обучению аудированию учащихся младших классов, представленный учителем английского языка Е.В. Голдобиной. Аудирование является самым сложным видом речевой деятельности, поэтому процесс обучения аудированию считается один из самых трудоемких, потому как слуховое восприятие и слуховая память у данной группы детей развиты значительно хуже, чем память зрительная. Визуализация образов – это то, что помогает младшим школьникам усваивать материал, отсюда требования к разработке дидактических материалов – красочность и насыщенность иллюстрациями. Аудирование, как учебная деятельность, вызывает у детей быстрое утомление, что усугубляется фактом потери мотивации, потому как не происходит

быстрого понимания речи на слух. Поэтому учителя практики рекомендуют при обучении аудированию прибегать к смене упражнений и использовать средства визуализации или наглядности, например, презентации.

Важным условием является желание слушать тексты на английском языке. Желание стимулируется посредством создания интереса, который в младшем школьном возрасте заменяется понятие «любопытность». Для стимулирования любопытности ставится коммуникативная задача. Например, «послушайте звуковое письмо дедушки Мороза и нарисуйте рисунок» или «послушайте описание маршрута и найдите клад, спрятанный пиратами».

Существует достаточно много механизмов, способствующих формированию навыков фиксации внимания при прослушивании иноязычных учебных текстов. Составными компонентами аудирования являются фонетический слух (это может быть природное явление), оперативная память (5-6 лексических единиц) и навыки вероятного прогнозирования – догадки. В качестве примеров упражнений можно привести такие как:

- а) фонетический анализ – хлопните в ладоши, когда услышите в словах звук [p];
- б) оперативная память – повторите все слова, не нарушая их первичную последовательность;
- в) выработка реакции, соотнесение услышанного с образом (предметом) – хлопните в ладоши один раз, если слышите название домашнего животного и хлопните два раза, если слышите название дикого животного;
- г) развитие догадки на визуальных основах – прослушайте загадки и укажите на правильную картинку с изображением животного;
- д) развитие слуховой памяти – ученик закрывает глаза и рисует животное. Ведущим выступает другой ученик, который называет части тела животного, например, draw a head, please, draw a body, please, draw a tail, please [10].

Ведущим принципом обучения на начальном этапе является принцип устного опережения, в пользу которого можно привести ряд обоснований. Дети в младшем возрасте легко воспринимают услышанное, легко усваивают не только отдельные звуки, слова, но и целые речевые образцы, у них развито подражание в целом и звукоподражание в частности. У детей младшего школьного возраста активно происходит процесс овладения родным языком, освоение которого также начиналось на устной основе [1].

Следующий принцип – это принцип развивающего обучения, который базируется на формировании общей коммуникативной компетенции учащихся. Данный подход позволяет младшим школьникам развить навыки языкового анализа, необходимые при изучении не только иностранного, но также и родного языка. Также незаменимым направлением

развивающего обучения является развитие языковой догадки, опоры на интернациональную лексику, иноязычные заимствования в русской языке; умения предвосхитить значение слова из контекста, догадаться о значении и функции высказывания по ситуации, опираясь на иллюстрации [4, с. 3].

Следующим принцип обучения – принцип доступности и посильности. Данный принцип ориентирован на учёт психолого-педагогических особенностей и возможностей детей младшего школьного возраста. Принцип базируется на решении задачи коммуникативно-психологической адаптации младших школьников к новому для них языковому миру и преодолении в дальнейшем психологического барьера в использовании иностранного языка как средства общения, а также на повышении мотивации к дальнейшему изучению иностранного языка [4, с. 51].

Не менее весомый принцип при обучении учащихся младшего школьного возраста – это принцип опоры на родной язык. Данный принцип дополняет принцип доступности и посильности и основывается на учёте возможных трудностей, связанных с межъязыковой интерференцией, а в особенности на начальном этапе овладения учащимися навыками устной и письменной речи. Родной язык может и должен использоваться для осуществления переноса формирующихся и уже сформированных на родном языке лингвистических знаний и коммуникативных навыков и умений на изучаемый язык. Однако принцип не предполагает постоянного использования русского языка во время урока. Необходимо понимать в каких ситуациях и с какой целью учителю следует использовать на уроке русский язык, а в каких случаях к его использованию прибегать не рекомендуется [5 с. 3–5].

Принцип социокультурной направленности означает соизучение языка и культуры. Знания культуры иностранного языка и особенностей менталитета народа, проживающего на территории данной страны, напрямую связаны с формированием коммуникативной компетенции. Следует отметить, что пристальный фокус должен быть уделен знакомству учащегося с нормами этикета, принятого в стране изучаемого языка [4, с. 55].

Важный принцип обучения в начальной школе – это принцип диалога культур. Знакомство с иноязычной культурой должно стать толчком к культурной самоидентификации ребенка, а также к укреплению в нем чувства патриотизма [6, с. 67].

В качестве дидактического инструмента рассмотрим метод игрового обучения, основанный на концепции «story-based approach» или вымышленного сюжета (сказки, рассказа). Игра отвечает потребностям младшего школьного возраста, потому как способна принять главный образовательный вызов – концентрация внимания и поддержка интереса к изучаемому предмету, более того, именно в игре учащиеся чувствуют себя организаторами процессов [7, с. 14].

Выработка собственных правил формируют у детей аналитическое мышление, развивают воображение, навыки конструирования и лидерства. Дополнительно работа с тестом во время игры или при ее подготовке служит хорошей основой формирования навыков письменной речи – задача, которая является одной из самых сложных при изучении иностранного языка независимо от ступени обучения [3, с. 51].

Для иллюстрации принципа игры приведем несколько практических примеров. Игры для начального обучения иностранному языку подразделяются на учебные, включающие в себя аспекты грамматики, лексики, фонетики и на творческие, которые могут быть как аудитивные, так и речевые. В качестве примера фонетической игры возьмем игру «Пчелка», ориентированную на формирование и тренировку таких звуков как [s], [z]. Игровой момент состоит в том, что учитель показывает ученикам картинку, на которой нарисованы две пчелы и затем поясняет, что одна пчела английская, а другая русская. Задача учеников – это демонстрация общения этих двух пчелок, то есть произнести, когда английская пчелка произносит звук [s], а когда русская [z].

Примером лексической игры может стать игра «Кто правильно соединит точки?». Целью игры является знакомство с новой лексикой. Учитель раздает детям листы бумаги с расставленными в определенной последовательности точками. После того как учащиеся соединят от 1 до 20 и нарисовав контур, они смогут определить предмет, изображенный на картинке. Затем учитель называет этот предмет на английском языке, а учащиеся повторяют слово за учителем. Тренировка навыка употребления данного слова состоит в повторении. По завершению игры, подводятся итоги – кто что нарисовал и как это называется на английском языке.

Пример грамматической игры – игра «Где твое место?». Цель игры - тренировка порядка слов в простом и вопросительном предложении. Учитель составляет предложения и записывает каждое слово на карточку. Затем карточки перемешиваются и раздаются ученикам, которые работая в группе или в команде работе должны разложить слова так, чтобы получилось правильное английское предложение с верным порядком слов.

Вышеупомянутые ранее аудитивные и речевые игры относятся к творческим играм. Их цель сформировать и развить навыки устной и письменной речи. Примером такой игры может быть игра «Последнее слово». Цель игры – развитие навыков монологической речи, навыков построения логически связного высказывания. В течение игры дети встают в круг, затем учитель называет первое предложение. Ученик, следующий за учителем, должен построить свое предложение, начиная с последнего слова предыдущего предложения. Например: I have got a dog. The dog is black.

Снятие страха и напряжения обеспечивается за счет игровых форм, которые также в свою очередь повышает и формирует положительную мотивацию у школьников младшего возраста, а также способствуют стимуляции развития их творческих способностей. Таким образом, игра или игровой подход при обучении позволяет учитывать возрастные психологические особенности ребенка, к которым относятся впечатлительность, активность, открытость к новым знаниям и умениям, способность анализировать собственные поступки и поступки других людей. Тем самым, следует сделать вывод, что обучение младших школьников не должно ограничиваться методами, ориентированными на получение интеллектуального знания [3, с. 12].

Возрастные особенности учащихся младшего школьного возраста позволяют учитывать коммуникативный подход. Основной идеей коммуникативного подхода выступает коммуникативная направленность обучения. Язык рассматривается исключительно инструментом общения, поэтому изучение грамматики и списков слов по выбранным темам перестает быть задачей номер один.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что учебная деятельность младшего строится на двух группах мотивов: а) внутренние мотивы (учебные и познавательные); б) внешние мотивы (социальные и утилитарные). Организация обучения в современных учебных пособиях для учащихся начальной школы часто основывается на сюжете сказки или представляется в виде игры, чтобы максимально активизировать мышление детей, сконцентрировать их внимание на предмете, удержать интерес. Реальные интересы и желания учащихся выходят на первый план при выборе содержания обучения иностранному языку. Первостепенная задача, стоящая перед учителем, создать базу коммуникативной компетенции для учащихся начальной школы, поэтому все остальные компоненты содержания следует минимизировать. Обучение имеет шансы быть эффективным только при правильном выборе дидактических инструментов, к которым относятся принципы обучения – принцип коммуникативной направленности, устного опережения, развивающего обучения, доступности и посильности, опоры на родной язык, социокультурной направленности, диалога культур, а также не стоит забывать, что игра является неотъемлемым компонентом жизни учащегося младшего школьного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английский язык в начальной школе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ino1.pskgu.ru/download.php/pskgu/files/PAGES/FILE/08e8b8b0-dcbc-4035-880b-ef153520fba1/EC494D19A9B1D35C947C1FCACC6F416A> (дата обращения 25.04.2021).

2. Бабинская Т. К., Маслыко Е. А. Настольная книга учителя иностранного языка. – М.: Высшая школа, 1998. – 522 с.
3. Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – СПб: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», Cambridge University Press, 2001. – 224 с.
4. Савинова Е. С. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. – М.: Просвещение, 2010. – 191 с.
5. Сафонова В. В., Марченко Н. И. Билингвальные образовательные программы как инструмент обновления языкового школьного образования // Иностранные языки в школе. – 2010. – №2. – С. 2–11.
6. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. – 2-е издание. – М.: Просвещение, 2003. – 237 с.
7. Стронин М. Ф. Обучающие игры на уроке английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.
8. Чепанов С. Н. Использование игр в обучении английскому языку в начальной школе // Символ науки. – 2018. – №5. – С. 139–141.
9. Элементы урока английского языка. Деятельностный подход в обучении грамматике английского языка на начальном этапе обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/09/01/deyatelnostnyy-podkhod-v-obuchenii> (дата обращения 25.04.2021).
10. Элементы урока английского языка. Специфика обучения английскому языку в начальной школе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/inostrannyi-yazyk/2013/12/07/spetsifika-obucheniya-angliyskomu-yazyku-v-nachalnoy> (дата обращения 25.04.2021).